

Владимир Малов

Девятнадцать мест в машине времени

OCR assur, 2003<http://www.rusf.ru/books/>
19 мест в машине времени: Журнал «Пионер» №№ 10, 11;
Москва; 1989

Аннотация

В увлекательных и веселых фантастических повестях известного писателя Владимира Малова действуют одни и те же герои – школьники. Двое из них – наши современники, а двое живут... триста лет спустя, в далеком XXIII веке. Тем не менее ребят связывает крепкая дружба, и время от времени они вместе участвуют в самых невероятных приключениях.

Содержание

1. В класс приходит диплодок	5
2. По плану доктора наук	18
3. Второе путешествие во времени	31
4. Улика из будущего	48
5. Третье путешествие во времени	67
6. Златко и Бренк	82

Владимир Малов

Девятнадцать мест в машине времени

1. В класс приходит диплодок

Вера Владимировна, учительница истории, постучала указкой по столу, требуя внимания, и сказала:

– Князь Ярослав Мудрый очень любил чтение и часто читал книги. В этом смысле он мог бы служить примером некоторым учащимся нашего класса.

Она хотела, было в воспитательных целях сначала немного поговорить об общей культуре, о громадной пользе чтения и о том, как обкрадывает себя тот, кто предпочитает книгам телевизор или видеомэгафон, но поскольку, прежде всего, была историком и вдобавок историком по призванию, то тут же увлеклась основным материалом.

– Правление Ярослава Мудрого – это прекраснейшая страница в истории Древней Руси, – начала она воодушевленно. – Представьте, ему удалось, наконец, разбить печенегов, которые до этого то и дело совершали набеги на русские земли. Он устраивал школы при монастырях, и дети могли учиться. По приказу Яро-

слава в Киеве были построены прекраснейшие здания – Софийский собор, новые городские стены, знаменитые Золотые Ворота. Он собрал в Киеве замечательных художников и архитекторов. Именно в княжение Ярослава стали складываться своеобразная русская живопись и архитектура. Правда, – она немного подумала, – по большому счету поначалу в ней явно прослеживается византийское влияние, и все же...

Учительница взяла со стола какой-то свиток, развернула его, и он превратился в большой красочный плакат.

– Вот как выглядит знаменитый Софийский собор, – сказала Вера Владимировна. – И хотя качество печати здесь просто изумительное, потому что плакат печатался в Лейпциге, в действительности же выдающееся произведение древнерусского зодчества, конечно, несравненно прекраснее, чем на любом изображении, и производит на каждого неизгладимое впечатление. Кто-нибудь из вас, ребята, был в Киеве? Кто-нибудь видел этот каменный шедевр своими глазами?

Долговязая отличница Марина Букина густо покраснела, словно ее уличили в том, что она не выучила урок, и медленно покрутила головой. Многие потупились, испытывая чувство жгучего стыда. Молодую учительницу истории все в седьмом «А» очень любили, и всем сейчас было ее очень жаль, потому что, раз никто из ее учеников не видел Софию Киевскую своими гла-

зами, она должна была огорчиться чуть ли не до слез. Но тут же по классу пронесся вздох облегчения – с последнего стола донеслись слова Петра Трофименко:

– Я видел! В последний раз родители уплывали работать в Африку из Одессы на теплоходе, и мы с бабушкой их провожали. Несколько часов были в Киеве, были и в Софийском соборе.

Вера Владимировна посмотрела на вихрастую, как всегда, голову Петра Трофименко с большим уважением.

– И какие же у тебя остались впечатления? – спросила она, с нетерпением ожидая ответа.

Петр поерзал на стуле, посмотрел на своего соседа Костю Костикова.

– Неизгладимые, конечно, – ответил он, наконец. – И бабушка тоже так сказала. А папа, помню, тогда сказал, что в городе Бамако, это в стране Мали, он видел...

Но договорить он не успел: в коридоре раздался нечеловеческий крик. Плакат с Софийским собором выпал из рук Веры Владимировны. Ученики вскочили на ноги. Крик повторился. Потом дверь кабинета истории с треском распахнулась, и на пороге появился бородастый и всклокоченный человек с очень бледным лицом. В мгновение ока он закрыл за собой дверь и изо всех сил уперся в нее плечом, словно боялся, что за ним войдет кто-то еще.

– Стол, стол придвиньте! – задыхаясь, крикнул он. – Сдвигайте все столы! Стройте баррикаду! Быстро!

– Лаэрт Анатольевич... – пролепетала Вера Владимировна.

Было видно, что учитель физики изнемогает. В класс ломился кто-то большой и сильный. В конце концов, Лаэрт Анатольевич отлетел в сторону, и в распахнувшихся створках показалась голова, похожая на змеиную, но увеличенную в несколько раз, с двумя горящими голубыми глазами. У головы равномерно из стороны в сторону, как жернова, двигались челюсти, словно они перетирали какой-то твердый предмет. Мельком оглядев оцепеневший седьмой «А», голова, покачиваясь на длинной шее, которая стала вытягиваться из коридора, двинулась над столами вслед за пятившимся по проходу смертельно бледным Лаэртом Анатольевичем. Вера Владимировна без сил опустилась на стул; кажется, она была в глубоком обмороке. Девочки подняли отчаянный визг. Увлекающаяся биологией отличница Букина, у которой были очень крепкие нервы, машинально определила:

– Да ведь это же диплодок, ящеротазовый динозавр. Но он ведь вымер еще в юрском периоде... так откуда же... почему...

– Боже мой, боже мой! – выкрикнул учитель физики. – Неужели он способен меня съесть? Но за что, за что?

– Диплодоки были травоядными, – машинально ответила Марина.

Пяťась, Лаэрт Анатольевич наткнулся на стол, за которым сидели Петр Трофименко и Костя Костиков. Дальше отступить было уже некуда. Учитель закрыл глаза и, по-видимому, приготовился к худшему. Голова диплодока, задумчиво двигающая челюстями, была уже в двух шагах от него. Шея, на которой она сидела, протянулась через весь класс, но туловища еще и не было видно.

Однако в этот момент вновь, как и во многих критических ситуациях, ярко блеснули отвага и твердость духа Петра Трофименко. Пусть он ничего еще не понимал в том, что происходит, но действовать надо было немедленно, и он схватил учебник и замахнулся на диплодока.

– Эй, – крикнул он во весь голос, – топай отсюда, пока из тебя котлет не сделали!

Диплодок растерянно моргнул маленькими глазками. Челюсти его, вероятно, от удивления, остановились. Чтобы не терять инициативы, Петр бросил учебник и взялся за более тяжелый и увесистый портфель. Диплодок с явной опаской взглянул на портфель, и шея чудовища, извиваясь, стала медленно исчезать в дверях, унося с собой голову. Петр перепрыгнул через стол, и смело двинулся на диплодока. Костя Костиков, тоже еще ничего не понимая и даже не успев испугаться, вдруг подумал: так ведут себя, вероятно, мужественные испанские тореро. Голова чудовища уже скрылась в дверях, Петр выскочил за ней в коридор. Костя, воодушевленный примером товарища, тоже схватил, как оружие, портфель и выскочил следом. За ним, пошатываясь, из класса выбрался бледный учитель физики. Петр наступал на диплодока. Но в этот момент на поле сражения появился еще один мужественный человек.

– Это еще что такое! – загремел грозный голос директора школы Степана Алексеевича Бегункова. – И опять, конечно, ЧП не где-нибудь, а в физическом кабинете! Ну, сколько же можно!

– Степан Алексеевич, – пробормотал, побледнев еще больше, Лаэрт Анатольевич, – он ведь... это ведь...

Напротив кабинета истории был кабинет физики, и шея встревоженного диплодока, в самом деле посте-

ленно втягивалась туда. Лаэрт Анатольевич прижал руки к груди.

– Степан Алексеевич, – вымолвил он дрожащим голосом, – это ведь не я, это он сам... Он ведь из прошлого... Я машину времени все-таки построил... Весь отпуск на это ушел, ночами не спал...

– А ну! – голосом заправского укротителя крикнул директор. – На место! В вольер! – И, словно бичом, Степан Алексеевич с силой хлопнул себя рукой по бедру.

Голова диплодока вздрогнула, и шея потянулась в глубь кабинета физики еще быстрее. Степан Алексеевич наступал на пришельца из прошлого, как укротитель на арене цирка. «Боже мой, – подумал Костя Костиков, – сколько же метров в этой шее?»

Вслед за чудовищем директор отважно вступил в кабинет физики. Он был в этот момент пуст, так как по расписанию у Лаэрта Анатольевича урока не было, именно поэтому он, вероятно, решил отправиться в путешествие во времени. Шея диплодока теперь втягивалась в лаборантскую, и здесь Степан Алексеевич, Костя и Петя увидели загадочную картину: туловища диплодока вообще не было, шея висела в воздухе, начинаясь от какой-то невидимой черты, и становилась все короче, исчезая за этой чертой.

– Здесь очень узкий временной канал, – пробормотал, как бы извиняясь, учитель физики. – Туловище сквозь него никак не могло бы пройти, а шея, как види-

те, успела проскользнуть вслед за мной. Степан Алексеевич еще раз хлопнул себя рукой по бедру, и дипломат, укоризненно взглянув на директора, исчез в пустоте. Лаэрт Анатольевич тут же кинулся к какому-то пульту на стене и стал выключать многочисленные рубильники. Потом он тяжело опустился на стул и вымолвил:

– Все! Временной канал перекрыт. Директор школы тоже позволил себе расслабиться.

– Уф! – сказал он почти добродушно. – Двоюродный брат у меня, знаете ли, замдиректором в зоопарке работает, так что и мне приходится иногда с разным зверьем общаться. Придешь, бывало, к брату в зоопарк вечером в пятницу...

Степан Алексеевич замолчал, и вообще наступила долгая тишина. Лаэрт Анатольевич постепенно отходил, лицо его стало розоветь. Степан Алексеевич, напротив, мрачнел на глазах.

– Значит, теперь еще и машина времени? – спросил он устало. – Значит, мало нам всех этих электронных замков, закрывающихся перед комиссиями из РУНО, мало компьютеров, аппаратов для обучения во сне и так далее?!

– Так ведь, Степан Алексеевич, это такое ведь... это ведь машина времени, – слабо возразил Лаэрт Анатольевич. – Я ведь построил ее по обрывку схемы, оставленной этими, помните, школьниками из будущего...

– Первый раз опробовал? – хмуро спросил дирек-

тор.

– Первый...

Степан Алексеевич устало отмахнулся.

Петр и Костя быстро переглянулись. Теперь им все было ясно: изобретатель совершил невозможное и все-таки нашел ключ к принципу путешествия во времени. Впрочем, от него можно было ожидать всего, и именно этого они и опасались.

В лаборантскую стали несмело заглядывать приходившие в себя после невиданного потрясения ученики седьмого «А». Учитель физики между тем становился все оживленнее и разговорчивее.

– Понимаете, – увлекаясь, рассказывал он каждому, кто входил в лаборантскую, начиная все снова и снова, – я вообще-то для начала хотел отправиться на машине времени в будущее, лет на двадцать вперед, посмотреть, что там такое будет. Но, как выяснилось, я свою машину плохо еще отрегулировал. Я врубил рубильник и вдруг оказался не в будущем, а в далеком прошлом, прямо перед мордой этого зверя... (На этом месте каждый раз Лаэрт Анатольевич снова слегка бледнел.)

– Тут же, конечно, я кинулся назад, – продолжал рассказывать учитель, – но что-то случилось, и этот... дипломат... попал своей шеей прямо во временной коридор. Ох, что же я пережил, когда увидел, что благополучно вернулся в кабинет физики, а голова его все рав-

но рядом со мной! Это было, знаете...

– Диплодок, это точно был диплодок! – убежденно сказала Марина Букина. – На всех плакатах и иллюстрациях он точно такой же. Это грандиозный динозавр, длиной до 25 метров. У него были очень тонкие хвост и шея.

Даже при самых необычных обстоятельствах Костю Костикова, прежде всего, отличало желание установить научную истину.

– Длинная шея? – поинтересовался он. – Какой же примерно длины?

Отличница ответила без запинки:

– Ну, метров десять, наверное.

Костя недоверчиво покачал головой. Он подошел к той невидимой черте, за которой исчез диплодок, и начал отсчитывать отсюда шаги. Ему пришлось пройти половину лаборантской, кабинет физики, пересечь коридор и, наконец, пройти весь кабинет истории. Вера Владимировна, потрясенная, все еще сидела на стуле и смотрела прямо перед собой широко раскрытыми глазами. Костя понял, что пока ее лучше не трогать и ничего ей не говорить, и вернулся в лаборантскую.

– Да нет, – сказал он Марине, – шея была метров двадцать пять, не меньше, если туловище не могло пройти временной коридор.

Эрудированная отличница усмехнулась.

– Остатки диплодоков, – отчеканила она поучитель-

но, – были найдены в Соединенных Штатах в отложениях юрского периода. Ученые произвели измерения, и сомневаться в них не приходится.

Костя пожал плечами.

– Значит, шея у него просто могла очень сильно вытягиваться. Посуди сама, если туловище диплодока так и не появилось в нашем времени.

– Ой, – сказала Марина, схватывающая все на лету, – не появилось? А может, мы сделали важное научное открытие. Никто не знал, что шея диплодока могла вытягиваться, а мы теперь знаем. Давай напишем статью в научный журнал, а?

Степан Алексеевич поправил галстук и откашлялся. Увлекающийся все больше и больше Лаэрт Анатольевич смолк. Вид у директора был теперь суровым и непреклонным. Степан Алексеевич должен был дать оценку всему, что произошло.

– Значит, так, Лаэрт Анатольевич, – произнес он, – завтра же вы представите мне подробную объяснительную записку. Я понимаю, что машина времени – это великое изобретение, но вы тоже подумайте и поймите. Вы представляете, чем все это могло кончиться? А что, если бы этот временной канал, как вы говорите, оказался пошире и этот, как его... диплодок, прошел бы его целиком и стал разгуливать по школе, вышел бы в город? А нам происшествий, сами знаете, и без того хватает.

– Но это машина времени, Степан Алексеевич, это эпохально, – слабо возразил Лаэрт Анатольевич, – мы опередили свое время...

Степан Алексеевич одернул пиджак.

– По машине времени я приму отдельное решение, – сказал он твердо. – Пока же на кабинет физики будет наложен засов и дверь опечатана. Занятия по физике пока будете проводить, – на мгновение директор задумался, – ну, скажем, в столярной мастерской.

На пороге лаборантской уже некоторое время стояла Вера Владимировна. Она была все еще бледна, но уже окрепла духом.

– Ребята, – начала она тихим голосом, – я все поняла. Лаэрт Анатольевич построил машину времени, но, как всегда у него бывает, произошла какая-то неполадка. Это, однако, не повод прерывать начатый разговор об эпохе Ярослава Мудрого. Прошу всех занять места в кабинете истории.

– Верочка, это же непедagogично, нельзя же... при них, – униженно пробормотал Лаэрт Анатольевич.

– Да, занятия надо продолжать! – строго сказал директор и неодобрительно посмотрел на учителя физики. – Диплодоки диплодоками, а Ярославы Мудрые Ярославами Мудрыми. Идите!

В лаборантской появился еще один человек, грузный и краснолицый, одетый в грязный рабочий халат. Это был завхоз Петр Филиппович, он же по совмести-

тельству слесарь и столяр.

– Шум тут был, – сказал он с порога. – А я не сразу услышал, потому что дырку на крыше заделывал. Она как раз над кабинетом физики. И, как я чувствую, я здесь сейчас нужен больше, чем на крыше. Может, Степан Алексеевич, замок электронный надо опять взломать? Это же, сами понимаете, кабинет физики и здесь преподает Лаэрт Анатольевич...

– Засов надо на двери повесить, – мрачно сказал директор, думая о чем-то своем, – да потяжелее и понадежнее. И замок чтобы был надежным... Машина времени теперь в школе появилась! И ведь надо же: именно в нашей!

2. По плану доктора наук

Александра Михайловна ходила по комнате, украшенной, помимо обычной мебели, индейскими луками и стрелами, африканскими масками и барабанами, бивнями слонов и носорогов, шкурами леопардов; ходила взад и вперед и на ходу размышляла вслух. Сидя на диване, где когда-то ночевали Златко и Бренк, Костя и Петя следили за ней, поворачивая головы то в одну, то в другую сторону.

– Давайте всесторонне оценим ситуацию, – говорила Петина бабушка. – Общение человека будущего с человеком нашего времени опасно, правильно? Потому что наш человек может получить преждевременные знания, которые в корне изменят закономерности исторического процесса, и тогда человечество неминуемо ждет непредсказуемые беды. Никогда нельзя забегать вперед, развитие должно быть совершенно естественным!

Костя Костиков, уважительно глядя на доктора педагогических наук, позволил себе вставить:

– Александра Михайловна, в одном фантастическом рассказе, не помню автора, я прочитал, что сведения о ядерной энергии и некоторые другие научные мысли попали в наше время из будущего именно случай-

но и преждевременно, когда человек еще не был готов к ним, и этим во многом объясняются неразрешимые проблемы, стоящие сейчас перед человечеством.

– Любопытно, – промолвила Александра Михайловна, – мне всегда нравится, как ты мыслишь, Константин, потому что ты всегда мыслишь нетривиально, пусть в данном случае ты пересказываешь идею другого человека, писателя-фантаста. Идея эта, конечно, заслуживает внимания. И тут не имеет никакого значения, попадет ли человек из будущего в наше время или наш человек, как этот... Лаэрт Анатольевич Ковригин попадет в будущее и тоже нахватается там преждевременных идей.

– Пока что не в будущее, пока что по ошибке он попал в прошлое, в эпоху диплодоков, – мрачно сказал Петр.

– Это характеризует человека, – тут же отозвалась Александра Михайловна, – человека несобранного и, собственно, не умеющего добиться поставленной цели. Он мог бы попасть случайно и в средние века или в XIX век и тоже принести людям совершенно преждевременные идеи... В общем, двух мнений тут быть не может: такой человек, как ваш Лаэрт, становится социально опасным.

– Так что же делать? – спросил Костя.

– Лучше бы его изолировать от общества, совсем, – ответила бабушка, задумчиво поглядывая на лук со

стрелами. – Но как его изолировать? В общем, ребята, нам сейчас предстоит принять очень важное решение. В наших руках судьба человечества. Пойдет ли оно естественным, разумным путем развития? Или же, из-за того, что Лаэрт преждевременно проник в тайну изобретения, которое было совершено в далеком будущем, произойдут непредставимые и непоправимые исторические катаклизмы?

– В будущее Лаэрта пускать нельзя никак! – мрачно сказал Петр.

– И в прошлое тоже, – отозвался Костя. – Это же однозначно: и там, и здесь неминуемый временной катаклизм. Хорошо еще, что на первый раз ему попался неразумный диплодок.

Александра Михайловна еще раз прошлась по комнате.

– Эх, жалко отца твоего на родине сейчас нет! – сказала она с горечью. – Вот уже полгода вместе с твоей матерью он работает в Верхней Вольте и опять строит горно-обогатительный комбинат, уж не знаю, какой по счету, потому что по всей Африке строил. А он сейчас очень мог бы помочь человечеству. Мой сын решителен, собран, отважен, словом, он унаследовал лучшее, что у меня есть.

Бабушка погладила бивень носорога, лежащий на книжной полке. На минуту она задумалась.

Она сделала паузу.

– Этот маломерный хроноаппарат, который был у наших друзей из XXIII века, совсем ведь небольшого размера?

– Примерно как отечественный магнитофон «Весна», – сказал Петр. – Побольше, чем там «Нэшнл» или «Сони».

– Вот и надо похитить собранную Лаэртом машину времени из кабинета физики! – решительно сказала Александра Михайловна и взглянула на Петра и Костю так, как мог бы, скажем, посмотреть на своих воинов Александр Македонский, окончательно решивший перейти Геллеспонт и вступить на территорию персидского царя. – То, что кабинет сейчас на засове, ничего не значит. Этот ваш директор на меня тоже производит неблагоприятное впечатление, и кто знает, что ему может прийти в голову. По-моему, у него нет царя в голове. Так что аппарат надо похитить в интересах человечества и укрыть, а пока ваш Изобретатель построит новый, мы придумаем что-нибудь еще...

– Бабушка, – растерянно начал Петр, – ты всерьез предлагаешь...

– Петр, – сказала Александра Михайловна, – до аспирантуры я некоторое время сама преподавала и знаю, что по ночам школы нередко никто не охраняет, потому что брать в них нечего. Ну, какому, скажи, жулику придет в голову взять ручную центрифугу в кабинете химии или скелет в кабинете биологии? Правда,

я знаю, – добавила бабушка, немного подумав, – что в кабинете физики есть разные там компьютеры и прочие технические штуки, которые построил Лаэрт. Это представляет некоторую ценность, но в вашей школе учатся честные люди, а другие про них не знают. – Бабушка еще немного подумала. – Он, конечно, мог позаботиться о сигнализации, но я знаю людей. Вряд ли такой легкомысленный человек, каким представляется учитель физики, подумал о мерах предосторожности. Но даже если и так. – Бабушка помолчала. – Петр, я не хотела тебе говорить, но теперь, видно, пришло время. Дело в том, что еще два-три года назад твой взбалмошный отец привез тебе ради забавы в подарок откуда-то там... из Новой Зеландии, что ли, игрушечный набор «Юный гангстер». Ну, знаете, как у нас, скажем, выпускают для детей наборы «Юный повар», «Юный парикмахер» и так далее. На всякий случай я его припрятала подальше... в воспитательных целях, но инструкцию прочитала. Как я поняла из английского текста, все это действительно игрушки и, скажем, для настоящего банка они не годны. Но это там, у них, а у нас, знаете ли, вполне могут пригодиться, потому что многое у нас, чего скрывать, делается совершенно не должным образом...

Петр Трофименко вдруг выдвинул вперед нижнюю челюсть, и лицо у него сразу стало решительным и волевым. Костя Костиков непроизвольно поежился,

представив, как он будет первый раз в жизни вскрывать чужие замки. Но тут же, вспомнив, что другого выхода действительно нет, он тоже постарался придать своему лицу мрачное и решительное выражение.

Александра Михайловна нашла в кармане ключ и на минуту вышла в другую комнату, чтобы принести пестро оформленную коробочку с картинкой, на которой человек в маске и шляпе, вскрыв сейф, доставал из него пачки с долларами. Вскоре ребята вертели в руках предметы неизвестного уголовного назначения, а бабушка переводила английский текст:

– Это набор игрушечных отмычек, – говорила она. – А вот это нейтрализатор сигнализации... Любопытно... Как я понимаю, он автоматически настраивается на нужную частоту, и звуковой сигнал нейтрализуется... Да, вот еще две полумаски, кляп на пружине для сторожа или водителя такси...

– Такси нам, наверное, не понадобится, – сказал Костя.

– А вот немного потренироваться вам необходимо, – ответила бабушка и посмотрела в окно. – В сентябре еще не скоро темнеет, время есть...

Она снова углубилась в инструкцию, шевеля губами и переводя про себя с английского на русский.

– Отмычки, – сказала она наконец, – прежде всего надо освоить отмычки. Входную дверь в квартиру, конечно, лучше не трогать, но в моей комнате есть ста-

ринный комод, его сделали еще до Февральской революции. Значит, пользуются отмычками так...

С помощью игрушечной отмычки Петр вскрыл старинный замок с первого раза.

– Однако... – молвила бабушка, поразившаяся легкости операции. – Может, у них там, в Новой Зеландии, замки совсем другие? Игрушка ведь, а как сработала! А вообще, Петр, ты, оказывается, прирожденный взломщик!

Игрушечный нейтрализатор сигнализации представлял собой маленькую плоскую коробочку с кнопкой, которую по инструкции следовало нажать перед дверью объекта. Его испытания тоже прошли легко и успешно, правда, нейтрализована была не сигнальная система банка с долларами, а просто включенный на полную мощность радиоприемник. Потом бабушка задумчиво повертела в руках пружинный кляп.

– Вставляется в рот, – пояснила она, сверяясь с инструкцией, – и тоже нажимается кнопка, вот она. Пружина распрямляется и... м-да... сторож или шофер такси уже не может ни сказать, ни крикнуть. Чтобы убрать пружину, надо нажать на другую кнопку. Ну, кляп вам вряд ли понадобится, хотя на всякий случай возьмите. Да, вот и фонарь. Словом, вы снаряжены полностью!

– Нам, наверное, пора, – не очень бодро произнес Костя. – Почти восемь, когда дойдем до школы, будет

совсем темно...

Про себя он подумал: «Надо было сказать: „Пора на дело“, потому что люди преступного мира всегда называют свои деяния „делом“. И, словно угадав его мысли, Александра Михайловна слегка дрогнувшим вдруг голосом сказала:

– Ну что же, действительно пора! Но вот что я считаю своим долгом сказать вам в назидание... как педагог. Дело, на которое вы сейчас пойдете, конечно, не совсем обычное. Надо, пожалуй, отдавать себе отчет, что вы преступаете кое-какие законы, а делать этого никогда не стоит. Но вами движет не преступная, а благородная цель, потому что вы, может быть, спасаете человечество от катастрофы. Исторические примеры такому бывали. Ну, например, – на минуту бабушка задумалась, – вот, например, по телевизору нередко повторяют фильм „Берегись автомобиля“. Ситуация не аналогичная, но в общем сходная. Так что...

Лицо доктора педагогических наук стало озорным и лукавым; Александра Михайловна вдруг словно бы помолодела лет на двадцать.

– Ну, как говорится, ни пуха, ни пера! Попасться вы не должны, потому что я надеюсь на твою решительность и отвагу, Петр, и на твою нетривиальность мышления, Костя. Но на всякий случай, знаете, замечайте следы. Не возвращайтесь домой пешком, покатайтесь на автобусах туда, обратно, но не привлекайте к

себе никакого внимания. Дважды в один и тот же автобус не садитесь, запоминайте номера. Ну, пора! – Бабушка вдруг отвернулась. – А я пока приготовлю место для блока хронопереноса где-нибудь на антресолях. Да, Костя, если позвонят твои родители, я скажу, что вы с Петей ушли в кино. Сейчас же, кстати, позвоню и узнаю, что идет в ближайшем кинотеатре.

Не глядя больше на ребят, Александра Михайловна вышла из комнаты.

– Все-таки бабка у меня молодец! – восхищенно произнес Петр.

Было уже совсем темно, когда Петя и Костя подошли к подъезду школы № 1441 – шли они, как и подобало в такой ситуации, в полном молчании. Только в небе горели звезды да тусклая лампочка слегка раскачивалась над дверью от сентябрьского ветра.

– Надо маски надеть, – прошептал Петр и натянул на лицо черную повязку, оставляющую открытыми только глаза.

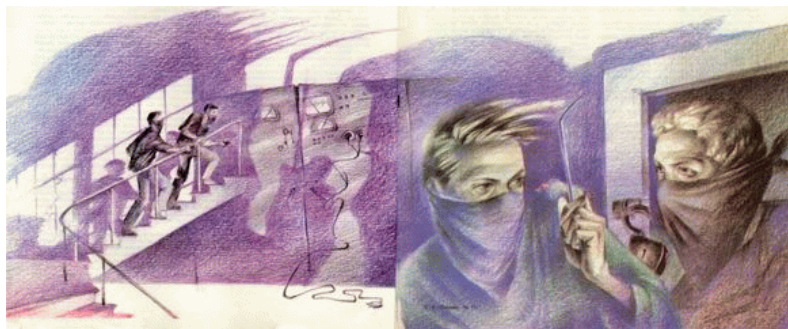
– А шляпы мы не взяли, – шепотом отозвался Костя.

– Ладно, – тихо сказал Петр, – обойдемся без шляп. Ты отойди в сторонку, постой, как это в детективах... на стреме. Может, придется повозиться. Все-таки это школа, а не старый комод.

Костя послушно отошел в сторону и стал зорко смотреть по сторонам, но уже через несколько секунд до него долетел удивленный шепот:

– Готово! Ну, прямо как по маслу!

Юные гангстеры оказались в школьном вестибюле и прикрыли за собой дверь. В вестибюле было темно, но они наизусть знали каждый его квадратный метр. Медленно и осторожно Петр и Костя двинулись к лестнице. Обоим было немного не по себе, но в то же время ощущался и какой-то подъем, потому что, в конце концов, необыкновенные приключения и благородная цель нечасто, надо признать, выпадают на долю школьников восьмидесятих годов двадцатого века.

– Подумать только, – прошептал Костя, – днем здесь шум, множество людей, а сейчас никого, кроме нас.

Ощупью они поднялись по лестнице и свернули в коридор четвертого этажа. Ощупью нашли дверь кабинета физики. Здесь пришлось включить фонарь, и луч уперся в тяжелый засов с огромным висячим замком. Петр посмотрел на него с большим сомнением.

– Уж больно велик! Наверное, даже в Новой Зеландии таких нет.

Костя спохватился. На всякий случай надо было включить нейтрализатор сигнализации, и он нажал его кнопку. Вполне возможно, Александра Михайловна недооценила Изобретателя, и какую-нибудь сигнальную систему при своей одержимости техникой он все-таки соорудил. Петр перебирал связку заграничных игрушечных отмычек.

– Вот эта, наверное, – решил он, выбрав самую большую, и отмычка в самом деле не подвела: огромный замок тут же, даже с какой-то готовностью щелкнув, откинул вверх дужку. От восхищения Петр тоже прищелкнул языком.

– Если у них дети играют такими игрушками, так что же у настоящих гангстеров?

– Пошли, – нетерпеливо сказал Костя и осторожно снял засов.

Когда открыли дверь, сигнализация не сработала, а может быть, ее и действительно не было. Минуту спустя ребята были уже в лаборантской и Петр обшаривал ее лучом фонаря, но ящичка блока хронопереноса, такого, как у Бренка и Златко, нигде не было видно. Однако в лаборантской появились какие-то громоздкие железные шкафы, не меньше десяти, каких раньше ребята никогда не замечали. Впрочем, в лаборантской им случалось бывать не так уж часто, толь-

ко если Лаэрт Анатольевич просил вынести оттуда в кабинет какой-нибудь необходимый в данный момент урока прибор, и поэтому поиски были трудными. Луч фонаря безуспешно обшаривал самые укромные уголки. Наконец в душу Петра закралось сомнение:

– Слушай, он, может, уже успел как-нибудь незаметно вытащить свой блок хронопереноса?

Костя помотал головой.

– Вряд ли! Он выбежал из прошлого в наше время, а потом постоянно был на виду, и засов наложили сразу же. Надо искать, может...

Он вдруг замолчал: ему показалось, что он слышит чьи-то дальние шаги. Молниеносно среагировав, Петр погасил фонарь, и юные гангстеры оказались в крошечной тьме. Теперь шаги были слышны совершенно отчетливо; они затихли у дверей кабинета физики, и кто-то, вероятно с удивлением, покачал засовом, висевшим на одной дужке.

– Неужели в школе все-таки есть сторож? – еле слышно прошептал Петр и приготовил кляп. „Вот с кляпом потренироваться не успели, – подумал он, – а стоило бы“...

Кто-то открыл дверь кабинета, шаги приближались к лаборантской. Петр бесшумно пробрался к ее двери и встал наготове. Но испытать кляп в деле ему так и не пришлось, потому что, несмотря на всю свою решительность, секунду спустя он растерялся от неожидан-

ности. В лаборантской вспыхнул свет, и на пороге Петя и Костя увидели учителя физики Лаэрта Анатольевича с включенной прической и бородой.

3. Второе путешествие во времени

Несколько секунд Изобретатель смотрел на ребят, а Петр и Костя растерянно смотрели на него. Потом Лаэрт Анатольевич с бесконечным удивлением задал вопрос:

– А как же вы отключили сигнализацию? Она должна была сработать и здесь, и на первом этаже, также у меня дома. Впрочем, дома меня уже не было.

– А это наш секрет! – растерянно ответил Костя и подумал, что Изобретателя Александра Михайловна все-таки недооценила: сигнализация в кабинете физики была.

Изобретатель в любой ситуации прежде всего оставался Изобретателем. Он задумчиво переложил маленький, но крепкий ломик из правой руки в левую и почесал затылок.

– А я думал, что ее секрет никто никогда не сможет разгадать, – сказал он с бесконечным огорчением.

Лаэрт Анатольевич прошел через лаборантскую и сел на стул в углу. Ломик он положил на пол.

– Да, кстати, а вы кто? Несмотря на маски, мне кажется, передо мною Петр Трофименко и Константин Костиков. Такой вихрастой головы, как у Трофименко,

в школе больше ни у кого нет.

Костя снял черную полумаску. Отпираться было бесполезно. Немного подумав, Петя сделал то же самое: вставляя учителю в рот пружинный кляп было поздно, да и как-то уже неловко.

– Ну, и зачем же вы сюда проникли? – спросил Изобретатель.

Петр и Костя виновато потупились, но Костю тут же осенило: у Лаэрта Анатольевича тоже была уязвимая позиция, и он, видимо, как они сами, готов был преступить закон.

– А вы? – спросил Костя, поглядывая на ломик.

Изобретатель проследил за его взглядом и слегка покраснел. Возникла пауза. Потом Лаэрт Анатольевич встал и прошелся по лаборантской, поглядывая на тяжелые шкафы.

– Вот что, – начал потом Изобретатель смущенно. – Вы ведь поняли, что я машину времени построил? Потому обрывку схемы, что попал мне в руки? – Еще бы не понять! – отозвался Петр. – Я этого диплодока до сих пор вижу, стоит только глаза закрыть.

– Вот видите, – сказал Изобретатель, еще больше смутившись, – первый опыт получился не очень удачным. Я хотел заглянуть в будущее, для начала всего лет на двадцать вперед, посмотреть, что там будет. Но вот что-то такое не сработало, и наоборот я оказался...

Лаэрт Анатольевич поежился. Ребята поняли, что,

если он закроет глаза, то увидит картины еще более страшные, чем Петр.

– Но спустя несколько часов меня осенило: я понял, в чем ошибка. Вот и хотел в схеме кое-что перепаять. И не мог же я ждать, пока снимут засов. Тут всего такой пустячок, оказывается...

Лаэрт Анатольевич на глазах становился прежним Лаэртом Анатольевичем – человеком увлекающимся, впрочем, точнее сказать, человеком, совершенно одержимым изобретательством.

– Ребята, вы даже не можете себе представить, до чего же просто устроена в принципе машина времени! – воскликнул он. – Просто удивительно, что ее изобрели только века спустя. А ее мог бы построить еще Ньютон! Или Франклин! И ведь сколько, наверное, открытий так и не делается или делается гораздо позже из-за человеческого невнимания, неумения сопоставлять факты, проникая в самую суть явлений!

Костя не удержался.

– Лаэрт Анатольевич, но где же ваш блок хронопереноса? Мы нигде...

Изобретатель воззрился на него с неподдельным изумлением.

– Вы что же, ее и не заметили? Да вот! – Широким и величественным жестом он указал на десяток железных шкафов.

Костя и Петя замерли от удивления. Потом Костя

пролепетал:

– Но у них ведь была маленькая коробочка. Изобретатель покровительственно похлопал его по плечу.

– Конечно! Но ты сравни возможности. Какие детали у них и какие есть в нашем времени? Да еще я пользовался только отечественными, импортных сейчас нигде нет. Я только разгадал принцип, а воплотил его в жизнь подручными средствами.

Костя и Петя растерянно переглянулись: операция, намеченная Александрой Михайловной, имела существенный пробел: кроме новозеландского набора „Юный гангстер“, надо было предусмотреть трейлер, подъемный кран и бригаду такелажников.

Изобретатель раскрыл один из шкафов и заглянул в его внутренности.

– Вот здесь, – пробормотал он, – в блоке надо поменять полярность, усилить режим...

Внутренность шкафа, как увидели ребята, была плотно заполнена деталями. В густом переплетении проводов, казалось, никто и никогда не смог бы разобраться, но Лаэрт Анатольевич, вооружившись отверткой, уверенно вывинчивал винты, переставлял детали с одного места на другое. Не прекращая работы, Изобретатель вдруг вспомнил, что застал кабинет физики вскрытым, нахмурился и спросил:

– А я ведь так и не понял: вы-то здесь зачем? Захотелось самим покататься на машине времени?

Костя Костиков густо покраснел: его и Петра заподозрили в том, что они способны были взломать дверь с такой легкомысленной целью, как покататься на чужой машине времени, подобно тому, как некоторые, бывает, катаются на чужих автомобилях или мотоциклах. Если так, пришла пора всерьез объясниться.

– Лаэрт Анатольевич, – начал Костя, – кататься на машине времени мы не собирались да к тому же и не знаем, как ею управлять. Просто мы хотели забрать ее и припрятать... от вас. Мы же не знали, что вы не смогли сделать ее такой же маленькой, какой она должна быть на самом деле.

У Изобретателя выпала из руки отвертка и покати-лась по полу. На его лице было написано невероятное изумление.

– Припрятать от меня? Но я же сам ее построил. Зачем же ее от меня прятать?

Костя вздохнул, толкнул локтем в бок Петра, чтобы пока тот помолчал, и приготовился к долгому разгово-ру.

– Лаэрт Анатольевич, а вы эффект кажущегося не присутствия освоили? – спросил он.

– Да нет, конечно, – поморщился учитель физики. – Но тут не было ни малейшей зацепки. Вот и фоноква-релескоп я не смог бы построить, – добавил он с виной в голосе.

– И вы собирались путешествовать во времени? –

задал Костя другой вопрос. – Вот так, без эффекта кажущегося не присутствия, чтобы любой мог вас увидеть в двадцать третьем веке или, скажем, в девятнадцатом?

– Конечно, собирался! – ответил Изобретатель. – Раз машина времени построена, значит, надо ее испытать!

– Лаэрт Анатольевич, – сказал Костя, – а вы подумали о том, что общение людей разных эпох может привести к совершенно непредсказуемому изменению в ходе истории? Представьте, что вы принесли преждевременные знания в средние века. Или, наоборот, нахватались бы каких-нибудь научных сведений в двадцать третьем веке и принесли их нам. Вот машину времени вы уже построили, а она для нас совершенно преждевременна, хоть вы и говорили о Ньютоне и Франклине. Человечество должно развиваться естественно, постепенно, без искусственных толчков.

Он замолчал. Ситуация была необычной. Впервые в жизни не учитель учил его, а он учителя. На мгновение Костя представил, что было бы, если б он стал читать нотации классному руководителю Аркадии Львовне...

– Вот мы и решили, что блок хронопереноса надо у вас изъять, – храбро договорил он. – А пока вы построите новый, мы еще что-нибудь придумали бы. Так что вы никогда не смогли бы изменить ход истории!

Изобретатель поднял с пола отвертку и повертел ее в руках. Потом сел на стул и стал смотреть на Костю

и Петю. Лицо у Лаэрта Анатольевича было теперь каким-то совершенно новым, незнакомым; таким они никогда его прежде не видели.

– Ребята, – сказал наконец учитель растроганно, – да вы просто молодцы, если подумали об этом. Но я ведь тоже умею размышлять. Как любой человек, увлекающийся техникой, я очень люблю фантастику, где часто возникают ситуации, о которых ты, Костя, сейчас говорил. И я полностью отдаю себе отчет в том, что прямое общение людей двух эпох может привести к непредсказуемому повороту в ходе истории, так что у меня и в мыслях не было вступать с кем-нибудь в контакт в том или ином времени.

– Но вы же собирались в будущее? – выдавил из себя Костя.

– Только для того, чтобы испытать построенную машину. Ну и, конечно, любопытно посмотреть, что там будет дальше. Пусть я буду виден и одет для будущего старомодно, но в конце концов и у нас сейчас можно увидеть людей, одетых так, как одевались лет пятьдесят назад. Я полностью отдаю себе отчет в том, что сейчас машина времени для человечества преждевременна, и вовсе не собираюсь пускать ее в серийное производство. В данном случае меня привлекла лишь представившаяся возможность проверить себя: сумею или нет решить интересную техническую задачу – восстановить конструкцию по обрывку схемы. Вроде су-

мел, и теперь надо ее испытать. Более того, я решил конструкцию по-своему. Бренк и Златко носили блок хронопереноса с собой, а моя машина, оставаясь на месте, отправляет меня в ту или иную эпоху на определенное время, а потом автоматически возвращает назад. А, закончив испытания, я скорее всего разобрал бы машину времени, раз она преждевременна. В конце концов это чье-то чужое изобретение, а у меня множество собственных идей.

Костя и Петя снова переглянулись, но уже с другим чувством: Изобретатель вдруг открылся им совершенно с другой стороны – он оказался человеком, не только беззаветно увлекающимся техникой, но в то же время выказывающим мудрость и правильное понимание ситуации. У Кости вырвалось:

– Лаэрт Анатольевич, какой же вы молодец!

– Да нет, ребята, это вы молодцы! – отозвался учитель растроганно. – И если хотите, давайте сейчас вместе отправимся вперед лет на двадцать. Пусть мы старомодно одеты, но просто постоим в будущем на какой-нибудь улице, словно провинциалы, приехавшие в Москву из Тмутаракани, посмотрим, что будет происходить рядом с нами. Хотите?

У Кости и Пети заблестели глаза. Да кто бы отказался от такого предложения?! Лаэрт Анатольевич все понял без слов. Он сказал только:

– Вот сейчас мы только кое-что подправим в схеме,

и можно будет отправляться.

Все переделки заняли не более десяти минут. Изобретатель покопался в одном шкафу, потом в другом, внимательно осмотрел приборный щит на стене и панель с рубильниками. Лицо у него теперь было сосредоточенным, как у космонавта перед стартом.

– Все, готово! – объявил он. – Осталась маленькая инструкция. В будущее мы отправимся лет на двадцать вперед, более точно я не могу регулировать настройку. Там мы проведем ровно пять минут и затем автоматически вернемся сюда, в лаборантскую. Как вы сами говорили, никакого общения, только наблюдение за тем, что происходит. Встаньте вот сюда!

Костя и Петя встали в самый центр лаборантской, куда показал Изобретатель. Теперь оба были взволнованны, но старались не показывать этого друг другу. Лаэрт Анатольевич включил какой-то рубильник, встал рядом с ребятами, вытер лоб и дрогнувшим голосом объявил:

– Готовность десять секунд!

Было видно, что он тоже волнуется: когда он поднял руку с часами, чтобы следить за секундной стрелкой, рука тоже дрогнула. И тут же все вокруг исчезло, наступил полный мрак, но тотчас над головами Кости, Петра и Лаэрта Анатольевича вспыхнуло яркое и жаркое солнце.

Они стояли на улице рядом с причудливой конструк-

ции будкой, на которой были знакомые слова „Союзпечать“. По улице в разные стороны сновали машины, каких в их времени еще не было, однако встречались иногда и выглядевшие как-то старомодно „Волги“, „Жигули“, „Москвичи“. Прохожие были одеты кто как.

Увидев киоск, Петя обрадовался:

– Вот сейчас мы и узнаем точно, куда попали, – сказал он.

Прежде чем его успели остановить, он оказался у окошка киоска. За стеклом, среди журналов и газет со знакомыми и незнакомыми названиями, он вдруг узнал „Пионерскую правду“.

– Дайте, пожалуйста, – попросил Петя симпатичную девушку-киоскершу в огромной кепке с надписью „Пресса“ и протянул копейку.

– Две, – сказала девушка.

– Мне ведь одну газету, – ответил Петр.

– Один номер и стоит две копейки, – донеслось из окошка, – ты что же, „Пионерской правды“ никогда не покупал?

Петр удивился, но еще одну копейку дал. В конце концов у каждого времени должны быть свои законы и свои цены.

И точно, развернув газету и вернувшись к Изобретателю и Косте, которые, возмущаясь, тут же стали выговаривать ему за легкомысленный поступок, Петр убедился, что „Пионерка“ действительно стоила не одну

копейку, как всегда, а две. Впрочем, это было не так уж важно. Главное, он прочитал дату: 24 мая 2002 года. И так, теперь можно было в течение нескольких минут наблюдать, что происходит в Москве 24 мая 2002 года.

Однако Лаэрт Анатольевич помрачнел: он понял, что начинается что-то неладное. Машины стали ездить все быстрее и быстрее. Пешеходы теперь тоже пронесились по тротуарам с немыслимыми скоростями. Наконец скорость стала такой, что их уже просто нельзя было разглядеть, и тогда началось нечто совсем уж неслухетное.

Обстановка вокруг стала с невероятной скоростью хаотически меняться. Исчез дом напротив, а на его месте появился сквер, однако мгновение спустя на месте сквера снова стоял дом, но уже другой. На мостовой то и дело появлялись и тут же исчезали траншеи с коммуникациями, на мгновение мелькнул газопровод. Дома вокруг исчезали, на их месте появлялись сооружения, похожие то на заводы, то на сельскохозяйственные фермы, а потом снова появлялись, чередуясь, скверы, дома и новые улицы. Канал с водой и со шлюзами прошел и молниеносно исчез прямо у ног пришельцев из будущего, и Лаэрт Анатольевич крепко прижал к себе Костю и Петю. Он уже понял, что происходит, но объяснять ребятам было сейчас не время. Хаотические превращения между тем продолжались. На месте очередного завода вдруг выросла громадная, уходившая

в небо башня, да так и осталась, несмотря на то, что в остальном перемены не прекращались. На какое-то мгновение в правой части окрестной местности все разом исчезло и возникло громадное бетонное поле, которое, впрочем, тут же покрылось островками зелени, и даже появилось в той стороне большое искусственное озеро. Правда, то, что происходило вдали, рассмотреть было трудно, потому что все превращения происходили при каком-то ослабленном неестественном свете.

Лаэрт Анатольевич все крепче прижимал к себе ребят. У него отчаянно колотилось сердце, он один понимал, какая страшная нависла над ними опасность и что в любое мгновение... Но вот все вокруг вновь исчезло, наступил полный мрак, и мгновение спустя все трое опять оказались в лаборантской.

Пять минут путешествия во времени истекли.

Изобретатель опустился на стул. Он был очень бледен и выглядел точно так же, как в тот момент, когда спасался от травоядного диплодока. Косте и Пете тоже было не по себе: произошло что-то необычное, и они смутно понимали, что путешествие в будущее могло окончиться и чем-то худшим. Наконец взгляд Лаэрта Анатольевича стал немного осмысленным, и он тут же схватил ребят за руки, словно хотел убедиться, что они здесь.

– Так вы поняли, что произошло? – спросил он сла-

бым голосом и немного помолчал. – В машине опять что-то случилось, и вместо того, чтобы оставаться в 2002 году, мы пять минут с огромной скоростью мчались сквозь время во все более отдаленное будущее. Вы поняли: мы неизвестно до каких времен добрались?!

Костя кивнул, и вдруг ему стало очень страшно.

– Лаэрт Анатольевич, а что если бы там, где мы стояли, тоже начали бы что-то строить, ломать и снова строить? Нас бы просто... А мы как бы стояли на островке, и ничего его не касалось.

Изобретатель кивнул ему в ответ:

– Да, ты прав. Это просто чудо, что мы оказались в каком-то оазисе. Но может быть, – добавил он, оживляясь от пришедшей неожиданной мысли, – в этом проявился какой-то неизвестный мне эффект, связанный с путешествием во времени. Возможно, вокруг путешественника создается какой-то защитный экран... Эх, ничего-то я толком еще не знаю!

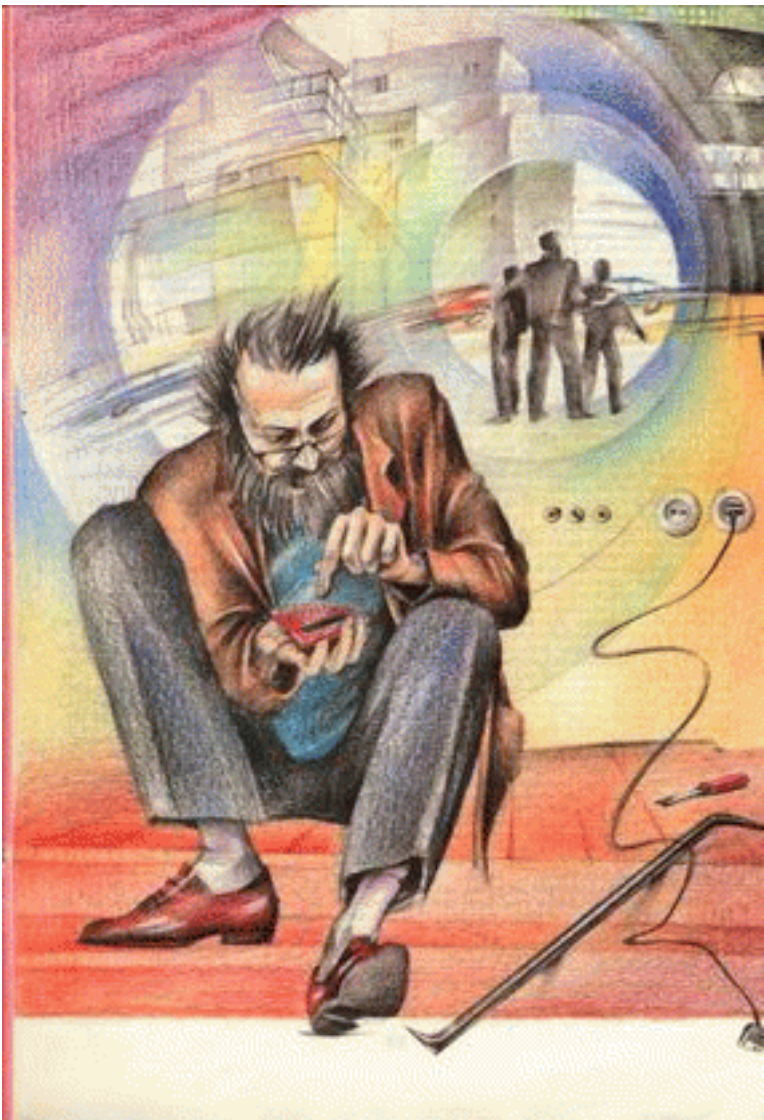
– Это называется – бег времени! – вдруг восхищенно сказал Петр. – И я понял, кстати, почему был такой полумрак. Солнце всходило и заходило с такой скоростью, что мы его не видели, ночи смешивались с днями. Лаэрт Анатольевич внимательно на него посмотрел. Видимо, слова Петра вызвали в его уме какую-то новую мысль. Вскочив с места, он бросился к одному из шкафов и дрожащими руками стал открывать его

створки.

– Ну какой же я идиот! – объявил он Косте и Петру. – Ведь здесь все очевидно, и теперь я понимаю, почему не было точной фиксации в одном времени.

Он извлек из кармана самодельный мини-компьютер.

– Еще несколько часов работы, – забормотал он про себя, – и к утру я все теоретически рассчитаю. А в будущее мы отправимся завтра вечером, и никаких накладок не будет.

Костя и Петр тоже постепенно приходили в себя после только что испытанного головокружительного полета сквозь время. При последних словах Изобретателя они переглянулись в третий раз.

– Лаэрт Анатольевич, – сказал Костя мягко, – утром в школе начнутся занятия, увидят, что кабинет вскрыт. Может быть, вы займетесь теорией дома?

– Да, конечно, – пробормотал Изобретатель, соглашаясь с доводом, но продолжая думать о своем. – Пошли.

На мгновение, правда, он вынырнул из целиком поглотивших его размышлений.

– А закрыть дверь на засов вы сумеете? – спросил он с беспокойством.

– Этого я еще не пробовал, – неуверенно ответил Петр. – Посмотрим...

Они погасили свет в лаборантской, вышли в коридор. Положив „Пионерскую правду“ 2002 года на пол, не очень решительно Петр взялся за связку с отмычками. Однако новозеландцы делали игрушки, что называется, на совесть: с помощью отмычки можно было, оказывается, не только вскрывать замки, но и, замечая следы, закрывать их. Проделав операцию, Петя погасил фонарь. И тут Изобретатель вспомнил еще одну вещь.

– Ну, а сигнализацию-то вы как отключили? – спросил он с жадным любопытством.

Не раздумывая, Костя протянул ему нейтрализатор.

– Вот, Лаэрт Анатольевич, разберитесь как-нибудь на досуге.

...Вернувшись домой, где их с беспокойством ждала Александра Михайловна, Петр и Костя рассказали ей все без утайки.

Петина бабушка ответила:

– Это хорошо, что ваш учитель физики не только всецело поглощен творчеством, но и отличается мудростью и ясным пониманием вещей. Человека это так украшает! Да, кстати, – добавила она потом, – если он как следует наладит машину, может, вы и в самом деле сумеете повидать Златко и Бренка.

4. Улика из будущего

В эту ночь Петр спал на удивление плохо. Он ворочался, часто просыпался, ему не давала покоя какая-то смутная тревога. Тревога, впрочем, мешалась с другими чувствами: все-таки он побывал в XXI веке, а потом за пять минут промчался сквозь время вообще неизвестно в какую эпоху, и это наполняло душу то радостной гордостью, то ощущением нереальности, сказочности всего того, что произошло. Уже под утро Петр понял, что его беспокоит: „Пионерскую правду“, датированную две тысячи вторым годом, он так и оставил на полу, рядом с дверью кабинета физики, когда пригнул засов и выключил фонарь. Мигом соскочив с постели, Петр стал лихорадочно одеваться, чтобы прийти в школу первым и подобрать газету-улику, пока ее не нашел кто-то другой. Как же он мог допустить такой промах?! Кляня себя на все лады, Петр молниеносно умылся, мигом собрал портфель и – не до завтрака – уже шагнул к двери. Но тут случилось неожиданное.

С наружной стороны кто-то вставил ключ в замок. Дверь открылась. На пороге появились мама и папа, рядом с ними были четыре чемодана и груда коробок. Светясь радостью, мама с порога затараторила, не делая пауз между фразами:

– Ой, Петр, я так рада, так рада, ты еще больше вырос, мы приехали, потому что туземцы из-за религиозного праздника пока отказались разгружать вагоны, нас вызовут телеграммой, когда праздник кончится, это еще недели через две-три, впрочем, точно неизвестно, как дела, как школа, мы тебе привезли много подарков.

– Люся, да ты войди сначала! – сказал коричневый от африканского солнца, с выгоревшими волосами и бородой папа и стал вносить в прихожую коробки и чемоданы. Мама принялась комментировать.

– Это одежда, это подарок Александре Михайловне, африканская педагогическая литература на разных языках, это снова одежда, это разные сувениры, а вот это тебе видеомэгафон, знаю, ты давно о нем мечтаешь, но, конечно, он не должен мешать учебе, а это тебе несколько пар новых джинсов, вот еще майки с африканской символикой, а это...

– Ух ты! – с восторгом выдохнул Петр и бросился на шею сначала маме, потом папе, мигом забыв обо всем на свете.

Из своей комнаты на голоса появилась бабушка, тоже светившаяся от радости. Она раз десять поцеловала папу и приветливо кивнула маме. Прихожая наполнилась невообразимым шумом: мама, Александра Михайловна и папа стали говорить одновременно. Петр, душа которого замирала от счастья, тем временем вскрывал коробку с видеомэгафоном, пред-

метом долгих и сбывшихся наконец мечтаний. „Японский, – отметил он с удовольствием, – ну, теперь мы с Коськой в кино больше не ходим, теперь мы...“

Вспомнив о Косте, Петр мгновенно вспомнил и обо всем остальном. Ему стало стыдно, и он резко выпрямился. Он распаковывает видеомэгнитофон, а надо мчаться в школу, чтобы успеть припрятать улику из будущего. Взглянув на часы, он с досадой убедился, что потерял целых десять минут.

– Мне сегодня надо пораньше, дежурный я, – проворчал Петя первое, что пришло в голову, и выскочил за дверь.

Как вихрь, не переставая клясть себя и за вчерашнюю забывчивость, и за сегодняшнюю медлительность, он кратчайшим путем пронесся от своего подъезда к подъезду школы № 1441. В вестибюле было еще очень малолюдно. Вздохнув с некоторой надеждой, он мигом взлетел на тот этаж, где был кабинет физики, но первое, что увидел, – это длинную спину отличницы Марины Букиной. На его глазах эта блюстительница чистоты и порядка подняла с пола злополучную „Пионерскую правду“ и машинально пробежала глазами ее первую страницу.

– Ой, – сказала она и повторила: – Ой! Петр похолодел. Но, прежде чем он успел что-либо сделать, по коридору гулко простучали Маринины каблучки, и она умчалась в сторону учительской. Дверь ее захлоп-

нулась прямо перед Петиным носом. В отчаянии он уже хотел ворваться в учительскую вслед за Мариной и отобрать у нее газету, но прямо перед ним откуда ни возьмись появился директор. Степан Алексеевич величественно кивнул Петру и сам вошел в учительскую. Окончательно придя в смятение, что с ним бывало очень редко, Петр отступил и сел на подоконник напротив. Здесь-то минутой спустя и нашел его Костя Костиков.

– Мы разоблачены, – мрачно сообщил ему Петр. – И виноват в этом только я. Вчера в темноте я так и оставил на полу „Пионерку“ из две тысячи второго года, а Букина только что ее нашла и отнесла в учительскую. Что теперь будет? И ведь мог я еще успеть, если б не этот видик!..

Костя тоже помрачнел и, не говоря ни слова – ничего уже все равно не исправишь, – стал анализировать ситуацию. Лично против них с Петром никаких улик не было, но по всему получалось, что они здорово подвели Изобретателя. Директор распорядился закрыть кабинет физики на засов, директор знал, что Лаэрт Анатольевич пока совершил только одно путешествие во времени – в далекое прошлое, в эпоху диплодоков, – а теперь оказывалось, что он, нарушив директорский запрет, еще раз включал машину времени, чтобы съездить в будущее, вскрыв при этом закрытый на засов кабинет.

У учительской нарастал неразборчивый гул голосов; он стал проходить даже сквозь плотно закрытую дверь. Очевидно, там уже было много народу, хотя учителя продолжали подходить. Прошла учительница физкультуры Галина Сергеевна, потом Петр Ильич, литератор. Когда дверь открывалась, в коридор долетали обрывки фраз, например, такие: «Но ведь это не прошлое, а будущее...», «Неизвестно, что он еще натворит...», «Не могу я преподавать как на вулкане...». Медленно тянулись минуты, коридор наполнялся школьниками, и вскоре веселый коридорный гул полностью заглушил шум в учительской. Из нее вдруг вышел Степан Алексеевич и пошел в сторону кабинета физики. Скоро он вернулся, покачивая головой, и исчез за дверью опять.

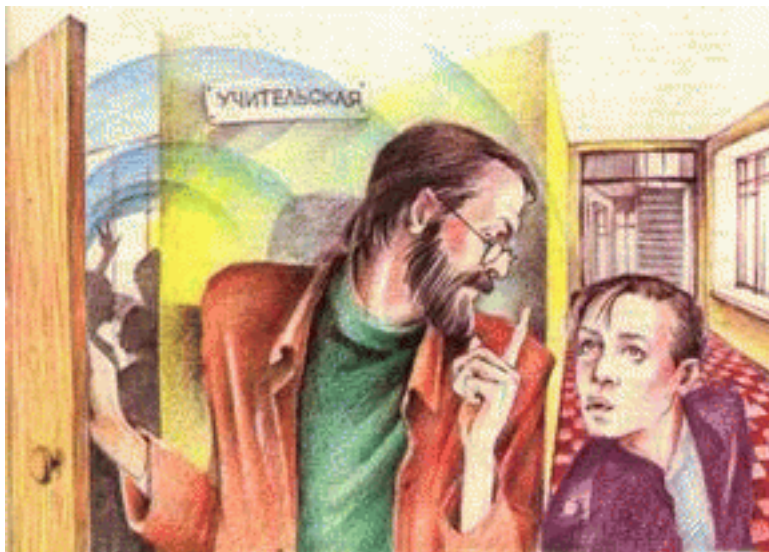
Появился Изобретатель с отрешенным и вдохновенным лицом. Однако Костю и Петра он все-таки заметил и, подойдя к подоконнику, заговорщически зашептал:

– Ночью я все рассчитал, все понял! Теперь никаких накладок быть не должно! И всего-то каких-нибудь двадцать минут работы, надо перемонтировать блок...

– Лаэрт Анатольевич, – остановил его Костя Костилов, – они все знают! – Он показал на дверь учительской. – Мы вчера забыли здесь «Пионерскую правду» из будущего, а Букина ее нашла. Они знают, что вы, нарушив директорский запрет, ездили в будущее.

– Ну так что же! – сказал Изобретатель с прежним

вдохновением. – Мы можем взять их всех с собой! Они наверняка тоже хотят заглянуть в будущее! Мощности машины должно хватить человек на пятнадцать, это зависит от веса...

Петр и Костя переглянулись. Такой вариант как-то не приходил им в голову. Неизвестно было, как к нему могли отнестись учителя, хотя, конечно, кто бы отказался от возможности заглянуть в будущее? А Лаэрт Анатольевич уже скрылся за дверью учительской. Несколько минут спустя прозвенел звонок. Коридор стал пустеть, школьники потянулись в классы на первый урок, однако, дверь учительской все не открывалась. В опустев-

шем коридоре теперь снова был слышен неясный гул голосов. Судя по всему, обстановка накалялась, и неизвестно, чем для злополучного Изобретателя все это могло кончиться. Вздохнув, Костя потянул Петра за рукав.

– Пошли! Пошли на урок. Нехорошо, если нас здесь застанут. Мы как будто подслушиваем!

Они спустились в подвал, в столярную мастерскую – первым уроком по странной случайности была физика, которую вчера директор распорядился пока проводить именно здесь. В тесном помещении, за верстаками, уже собрались все, кроме Букиной. Стульев к верстакам, как известно, не полагается, и поэтому класс стоял. Учительского стола в мастерской тоже не было, и, значит, урок должен был пройти, как митинг: учитель выступал бы перед стоящей за верстаками толпой. Однако учителя все не было и не было, и постепенно все стали поудобнее устраиваться прямо на верстаках, стряхивая с них стружку.

Обстановка, конечно, была очень необычной. Во-первых, не часто физику преподают в столярных мастерских. Во-вторых, вчера произошли необыкновенные события, и седьмой «А» был их непосредственным свидетелем. Да и всю школу уже, разумеется, облетело известие, что Изобретатель построил машину времени и что вчера в школе побывал диплодок. Седьмой «А» взволнованно гудел. Костя с тоской подумал,

что многие из учеников школы № 1441, разумеется, рассказали о необыкновенном событии дома, а это и есть изменение хода истории, так как подобная информация может привести неизвестно к каким результатам. «Хорошо, – подумал Костя, – если чьи-нибудь папа и мама будут настолько благоразумны, что сочтут эту историю плодом буйного воображения ребенка или следствием переутомления от чрезмерных занятий. А если кто-то поверит, придет в школу за разъяснениями, напишет в газету, сообщит на телевидение?»

Но додумать он не успел: в столярной мастерской наконец появился Лаэрт Анатольевич, а следом за ним в дверь тихонько прошмыгнула Букина. Костя и Петя впились глазами в лицо Изобретателя, но ничего не поняли: оно по-прежнему было отрешенно-восторженным. А поведение учителя физики просто не укладывалось ни в какие рамки.

– Так что мы проходили на прошлом уроке? – весело спросил Изобретатель с таким видом, словно сам об этом совершенно не был осведомлен. Однако, прежде чем ему успели ответить, учитель махнул рукой и сказал: – Впрочем, это совершенно не важно. – Он оглядел столярную мастерскую. – Как вы сами понимаете, заниматься здесь совершенно невозможно. Нет приборов, видеодоски, компьютера...

Изобретатель задумался.

– Вот что, – сказал он потом, – программу мы все-

гда нагоним, а на улице сегодня такой прекрасный сентябрьский день... Какой у вас следующий урок?

– Биология, – ответила Букина.

– Отлично! – Изобретатель даже потер руки. – Предлагаю вам до биологии прогуляться по парку. А я пока проведу индивидуальное занятие с Костиковым и Трофименко...

Седьмой «А» взорвался радостными криками, в дверях тут же образовалась веселая давка, все хотели выйти одновременно. Последней к двери, пятясь, медленно отходила Марина Букина, лицо ее было отмечено предельной стадией любопытства. Заметив это, Лаэрт Анатольевич вдруг проявил обычно несвойственный ему в обыденных, далеких от мира техники делах здравый смысл.

– Марина, – сказал он строго, – ответственность за оздоровительное мероприятие я целиком возлагаю на тебя. К началу следующего урока ты приведешь класс в кабинет биологии. Костикова и Трофименко я прошу остаться для индивидуального занятия.

За Мариной закрылась дверь, на лестнице смолкли ее шаги. Ничего не понимая, Петр и Костя застыли в немом изумлении. Изобретатель с сияющим лицом сильно хлопнул по плечу сначала одного, потом другого.

– Все в порядке! – сказал он весело. – Сегодня в шесть вечера мы отправляемся в будущее! Вместе с

нами отправляются и некоторые учителя, а также директор.

– Лаэрт Анатольевич! – вырвалось у Кости. – Ну, конечно, я так и знал! Кто же откажется от возможности заглянуть в будущее?! Изобретатель заговорщически подмигнул, но вдруг поморщился, словно вспомнив что-то не очень приятное.

– Да нет, такая мысль не сразу к ним пришла, – без удовольствия сказал он, – это уже потом как-то постепенно все изменилось...

Он взглянул в лица ребятам.

– Да, если вам интересно, вы можете послушать: я, разумеется, записывал на магнитофон...

Лаэрт Анатольевич достал из кармана связку ключей и еще один большой ключ.

– Вот, в брелке я собрал портативный магнитофон. Сейчас мы пойдем в кабинет физики...

Повертев большим ключом, Изобретатель пояснил:

– Степан Алексеевич отдал, взламывать не придется. Там я быстренько перепаяю несколько схем, а вы пока слушаете.

Он обнял ребят за плечи.

– Хоть это, может быть, и не совсем правильно с точки зрения педагогики, но теперь у меня нет от вас секретов. Мы ведь стали, – он вновь подмигнул, – мы стали сообщниками, связанными общим преступлением. Вы взломали дверь, я готов был сделать то же самое,

и, значит, я точно такой же преступник, как вы!

В кабинете физики, таком знакомом и привычном, Косте и Пете вдруг стало как-то не по себе. Теперь это был уже не просто учебный кабинет, а место старта путешествий во времени, и, значит, место необычное и загадочное. Изобретатель нажал на брелоке едва заметную кнопку, включив магнитофон, и тут же о существовании Кости и Петра забыл, ушел в лаборантскую, чтобы углубиться в свою таинственную работу.

Ребята прильнули к сверхпортативному магнитофону. В учительской, должно быть, произошло что-то необычное, раз не сразу учителя, по словам Изобретателя, решили отправиться в будущее. Для начала магнитофон голосом Степана Алексеевича саркастически сказал:

– А, вот и наш Уэллс! Путешественник во времени! Милости просим, Лаэрт Анатольевич!

Тут же магнитофон взорвался невообразимым шумом, заговорили, похоже, все сразу. Можно было едва разобрать отдельные возгласы: «О диплодоке, наверное, уже знает вся Москва!», «Я не могу спокойно преподавать...», «Безответственность товарища Ковригина ставит нас всех...». Шум перекрыл саркастический голос директора:

– Нет, так не пойдет! Мы, как коллектив педагогов, то есть людей, воспитывающих всех, в том числе и друг друга, и самих себя, должны прежде всего дать

возможность высказаться самому Лаэрту Анатольевичу. – Двери взламывал! – выкрикнул магнитофон голосом Аркадии Львовны, классного руководителя седьмого «А». – Где же правопорядок?!

– Зато теперь я все понял, разобрался, и машина времени будет работать как часы! Полная гарантия надежности! – убежденно произнес Лаэрт Анатольевич.

– Значит, напустите целую школу этих... дидло... ну, тварей этих ужасных! – возмущенно вымолвила физкультурница.

Наступила пауза. Степан Алексеевич откашлялся, как он всегда это делал, прежде чем сказать что-то важное.

– Лаэрт Анатольевич, – начал он, – вы признаете, что вскрывали дверь кабинета физики, чтобы без моего разрешения отправиться на машине времени в будущее, о чем свидетельствует вот эта улика, – послышалось шуршание газетного листа, – а именно экземпляр газеты «Пионерская правда», датированный 24 мая 2002 года? Сейчас не 2002 год!

– Качество, качество записи какое! – восхищенно пробормотал Петр. – Даже шуршание слышно!

– Понимание того, в чем я ошибся в первый раз, – сказал Лаэрт Анатольевич, – пришло ко мне поздно вечером. Тот, кому знакомо творческое горение, меня поймет: я просто не в силах был дожидаться утра, нужно было все исправить немедленно, пришедшее оза-

рение могло пройти...

– Этот одержимый человек взломал засов! – выкрикнула физкультурница. – Налицо преступление!

– Да, вот они, изобретатели! – сказал Степан Алексеевич даже с некоторой задушевностью. – Одержимые, забывающие все на свете! Но творческие люди могут это понять...

– Взломал засов! – как эхо повторила физкультурница.

– Да, Лаэрт Анатольевич. – Директор словно бы спохватился. – Чтобы отправиться в будущее, вы должны были взломать замок. Однако я проверял, он в полной исправности...

– Замок я не взламывал, просто сумел подобрать ключ, – быстро ответил Изобретатель. – Потом закрыл. А «Пионерку» я просто выронил.

Петр толкнул Костю локтем в бок.

– Смотри, все на себя берет, нас не выдал!

– Значит, вы побывали в 2002 году? – задумчиво проговорил директор.

– Да, но находился там очень короткое время, – отвечал Изобретатель.

– Лаэрт Анатольевич, – послышался голосок историка Веры Владимировны, – ну и... что вы там увидели?

Опять наступила пауза.

– На первый взгляд внешние перемены незначительны, однако и время это не очень отдалено от нас, –

уклончиво сказал Изобретатель. – Но я, – быстро продолжил он тут же, – приглашаю всех вас совершить экскурсию в более отдаленное будущее. Неужели вам неинтересно, что будет через века? Теперь... еще немного работы... машина времени абсолютно надежна. Отправиться можно прямо сегодня!

Теперь в учительской поднялся невероятный шум, и ничего нельзя было разобрать. В наступившей только на один краткий миг паузе ясно прозвучал лишь категоричный голос преподавателя литературы Петра Ильича:

– Шарлатанство!

Наконец снова наступила тишина. Вслед за ней голос директора задумчиво сказал:

– Да нет, Петр Ильич, вы не правы! Путешествие в будущее возможно, доказательство налицо, – вновь зашуршала газетная бумага.

– Вот давайте и совершим такое путешествие, – быстро подхватил Изобретатель, – ненадолго. А потом машину времени я обещаю разобрать, потому что для нашего времени она преждевременна. Собственно, в данном случае меня интересовало только одно: сумею ли я по одному фрагменту восстановить полную схему или нет?

– А там, в будущем, наверное, изобилие? – сказала неожиданно физкультурница. – Через век там или через два должно же все наладиться!

– Изобилие, да не для нас, – быстро ответила Аркадия Львовна. – Интересно, как мы сможем что-нибудь купить? Деньги, конечно, будут уже совсем другими. Это все равно, как у нас сейчас кто-нибудь стал бы платить монетами Екатерины Второй!

– Какие такие деньги? – искренне удивилась физкультурница. – Если полное изобилие, значит, и деньги уже не нужны. Ведь именно об этом мечтали целые поколения, себя не щадя. Подошел, взял сколько надо, и никаких денег. Пошел дальше, снова взял. А что одеты мы будем не так, как они, будущие, так, может, мы делегация из какой-то страны этого, как его... третьего мира. Послушайте, Лаэрт Анатольевич, а сколько человек может взять ваша машина времени?

– Подождите минуточку, – сказал Изобретатель. – С абсолютной точностью я этого еще не рассчитывал. Сейчас на мини-компьютере...

Вновь наступила почти полная тишина. Слышно было только, как кто-то с кем-то быстро шептался, но слов нельзя было понять.

– Вот, – подсчитал наконец Изобретатель, – машина достаточно мощная. Может переместить во времени девятнадцать человек со средним весом в восемьдесят килограммов. Значит, в машине времени девятнадцать мест.

– Не поеду я ни в какое будущее, – угрюмо молвил литератор Петр Ильич, – потому что все равно не верю!

– Вы ретроград, Петр Ильич, я всегда вам прямо так и говорю! – возмущенно выпалила физкультурница. – Вы погрязли в своей литературе, вместо того чтобы открыть глаза на действительность. И вообще таким, как вы, давно пора на пенсию, вы тормозите учебный процесс, а также школьные показатели.

– Галина Сергеевна, Галина Сергеевна, – укоризненно произнес директор.

– Это она сейчас правильно, – пробормотал Петр, – такая скука у него на уроках! Уж лучше читать самому все подряд, без программы.

– Итак, – перебил всех Изобретатель, по-видимому, вновь начиная воодушевляться, – в машине времени девятнадцать мест. Но у меня обязательное условие: я непременно беру учеников седьмого «А» Константина Костикова и Петра Трофименко. В конце концов именно они первыми встретились с этими ребятами из XXIII века, с чего все и началось, и они в курсе всего...

– У Трофименко с успеваемостью, – тут же сказала Аркадия Львовна, – да и с домашним воспитанием не все хорошо, несмотря на то, что у него бабушка доктор педагогических наук и, казалось, могла бы...

Петр густо покраснел.

– А зачем Трофименко в будущее? – искренне удивилась физкультурница. – И так у него родители из-за границы не вылезают и уж чего, конечно, только не привозят...

Петр покраснел еще больше: он вспомнил, что именно из-за привезенного родителями видеоманитофона не успел убрать улику. Если бы успел, все так и осталось бы в тайне и Изобретателю не пришлось, спасая положение, приглашать в будущее весь педагогический коллектив.

– Галина Сергеевна, вам не стыдно? – тихо спросила Вера Владимировна, но ее перебила Аркадия Львовна.

– Вот Марину Букину надо взять, – сказала она. – У нее все благополучно, и успеваемость, и родители оба зубные врачи.

– Если я ретроград, – вдруг выкрикнул Петр Ильич, – то знайте: никогда ваше кривлянье и дрыганье, которое называется преподаванием физкультуры, не заметит высокого и чистого...

Наступила тишина. В брелочке что-то щелкнуло.

– Пленка кончилась, – догадался Костя, и в тот же момент, словно он специально дожидался, на пороге лаборантской появился Изобретатель и рукой вытер пот со лба.

– Вот и все, – объявил он со счастливой улыбкой, – если хотите, мы можем сейчас, без них...

Он посмотрел на часы, и лицо его стало огорченным.

– Нет, через три минуты уже перемена, а потом подряд несколько уроков надо провести. Так что отправляемся в шесть часов, как мы решили там, в учительской,

и не на десять-двадцать лет вперед, а сразу на век, на два, чтобы нагляднее ощутить перемены.

– Лаэрт Анатольевич, – непривычно тихо начал Петр, – там у вас пленка кончилась, а про меня они говорили...

Изобретатель не отвел взгляда.

– Да, действительно пленка кончилась, – ответил он, – а я в пылу разговора как-то этого и не заметил и не перевернул микрокассету... Но ты не обращай внимания на то, что говорили отдельные члены нашего педагогического коллектива. Люди бывают разные, среди учителей – тоже, да ты и сам это уже, конечно, знаешь. Но жалко, что ты не можешь услышать, что про тебя говорила Верочка... то есть Вера Владимировна, да и сам Степан Алексеевич одобрил, как ты диплодока выгонял...

Петр просветлел. А Косте Костикову давно уже не давала покоя одна мысль:

– Лаэрт Анатольевич, но это что же получается? Они ведь хотят набрать в будущем разных вещей и привезти в наше время. А вдруг там, чего доброго, и в самом деле уже все бесплатно, и наберут! Это и будет тот самый поворот в ходе истории...

Изобретатель весело хмыкнул.

– Не будет поворота! И вот почему: у моей машины есть одна особенность. Ты помнишь, что Златко и Бренк носили свой блок хронопереноса постоянно с

собой, и это позволяло им свободно перемещаться в пространстве. А моя машина остается на одном месте, она переносит людей только сквозь время. Так вот, возможность передвижения в этом случае невелика. По сути, мы все время будем на одном месте, ограниченном радиусом в семь-восемь метров. Если кто-нибудь попытается отойти в сторону, будущее само вытолкнет его на прежнее место, так что вряд ли они смогут походить там по магазинам. Будут стоять и смотреть по сторонам, только и всего!

– Лаэрт Анатольевич, – застенчиво спросил Петр, – а мы можем отправиться в то время, где живут Златко и Бренк? Сможем их повидать?

Изобретатель задумался, потом честно ответил:

– Все-таки, чего кривить, моя машина не очень еще совершенна. А тут нужна особая точность. Я попробую настроиться на шестидесятые годы XXIII века, но ваших ребят нужно ведь искать еще и в пространстве...

Петр и Костя уныло переглянулись, и тут же зазвонел звонок.

– Ну, до вечера, – сказал Изобретатель и положил ключи с магнитофоном в карман. – В той части разговора, которую я не записал, постепенно пришли к решению, что отправимся ровно в шесть... Да не огорчайтесь вы! Чего только не бывает на свете! Может, найдем и Златко с Бренком. Не в этот раз, так в другой.

5. Третье путешествие во времени

В пять часов вечера Петр пошел к Александре Михайловне на кухню, где она готовила великолепный праздничный ужин.

– Бабушка, а у тебя пельмени в морозилке есть? – спросил он. – Мне бы пачки три-четыре...

– Нет сейчас нигде пельменей! – ответила Александра Михайловна. – Их, должно быть, тоже теперь на экспорт отправляют, за валюту, куда-нибудь в Сенегал или в Новую Каледонию!

Бабушка замолчала, внимательно посмотрела на Петра и все поняла.

– Постой, значит, сегодня вы собираетесь... Петр кивнул.

– Ты только родителям ничего пока не говори, ладно? Они только утром приехали, от самой Африки летели, устали. Пусть пока отдохнут. А к ужину я должен вернуться.

– Постой, постой, – сказала Александра Михайловна и стала складывать в пакет только что испеченные пирожки. – Пельменей нет, так вот это им от меня передай, если встретишь. И привет, конечно. – Голос ее дрогнул. – Такие славные ребята! Ну, ни пуха вам ни

пера! Да и Лаэрта вашего тоже угости, я как-то его теперь зауважала. Подожди, я тебя поцелую!

Бабушка обняла внука, всхлипнула и, помедлив, подтолкнула его к двери.

У Петра защемило сердце: все-таки он отправлялся неизвестно куда и – кто знает – ТАМ могло произойти всякое. Взяв пакет и не оглядываясь, он шагнул за порог. Во дворе его уже должен был ждать Костя. Петр нашел его на лавочке у подъезда. Костя был сосредоточен, собран, но видно было, что он тоже взволнован и напряжен. Завидев Петра, он сразу же встал.

– Когда чего-нибудь сильно ждешь, время почти не движется! – сказал Костя нетерпеливо. – И чего это они решили отправиться только в шесть!

– Не могут же они так сразу все бросить и отправиться в будущее, – рассудительно заметил Петр. – Надо и тетради проверить, и дома по хозяйству чего-нибудь. Учителя – они тоже люди, и я им многое прощаю... А я так прямо еле вытерпел. Говорю с родителями про Африку, а сам все на часы смотрю!

Костя уже сорвался с места.

– Пошли! Может, Лаэрту Анатольевичу еще помочь в чем-нибудь надо?

Но на мгновение он все-таки остановился и, помедлив, зловеще сказал:

– Эх, есть у меня предчувствие! Будет сегодня какой-нибудь поворот в ходе истории! Будет, чтобы Лаэ-

рт ни говорил!

Маленький школьный дворик был уже пуст. Низкое сентябрьское солнце подсвечивало розовые школьные стены косыми лучами, тени были по-осеннему резкими и причудливыми, отчего все здание теряло привычный облик и представлялось фантастической постройкой тех далеких времен, куда вот-вот должны были отправиться Петр и Костя.

В дверях они уступили дорогу подошедшей с другой стороны Галине Сергеевне. Преподавательница физкультуры, неожиданно одетая в элегантный вечерний костюм, держала в руках огромную дорожную сумку, совершенно пустую, судя по степени сплюсненности. Рядом с Галиной Сергеевной шла какая-то незнакомая женщина с сумкой еще большего размера. «Ты, Вет, только ничего не бойся, – говорила на ходу физкультурница. – Как он объяснял, раз – и ты сразу там, а потом раз – и сразу обратно. Ну не сразу, конечно, мы там еще...» Ребята пропустили их вперед и, чувствуя все большее волнение, как спортсмены перед стартом, тоже стали подниматься по лестнице, ведущей к кабинету физики. Сверху донесся голос Галины Сергеевны:

– Знакомьтесь, это моя подруга по институту физкультуры, ее зовут Виолетта Ивановна. Нет-нет, Лаэрт Анатольевич, я подсчитывала: если мест девятнадцать, то она вполне войдет.

Ответные слова Изобретателя, тоже донесшиеся до

ребят, оказались не очень разборчивыми.

– Видел сумки? – спросил Костя. – Они хотят их наполнить – там, в будущем!

– Это из-за меня все! – вспыхнул Петр. – Не потеряй я эту газету, мы бы отправились в будущее вместе! На месте Изобретателя я бы меня просто возненавидел! Представляешь, что ему из-за меня приходится терпеть!

Они поднялись, увидели, что происходит перед дверью физического кабинета, и Костя подумал, что никто из авторов прочитанных им многочисленных фантастических книг так и не смог себе точно представить, как путешествия во времени будут начинаться на самом деле, когда станут не фантастикой, а реальностью. Во всяком случае, никто из фантастов не снаряжал своих героев, отправляющихся в будущее или в прошлое, таким количеством сумок, объемистых портфелей и даже рюкзаков. У Аркадии Львовны была большая хозяйственная сумка на колесиках, а у Степана Алексеевича – матерчатый клетчатый чемодан. У Марины Букиной, которая тоже оказалась здесь, на плече висела пустая сумка с надписью «Спартак». Взглянув на Костю и Петю, Марина почему-то отвела взгляд. Все беспорядочно толпились перед кабинетом, а всклокоченный Изобретатель, стоя в дверях, был похож на уставшую стюардессу, которая вот-вот запустит пассажиров в самолет. Но когда Лаэрт Анатольевич за-

метил Петра и Костю, губы его тронула озорная усмешка.

– Товарищи! Коллеги! – крикнул он, перекрывая шум. – Все готово, но я хочу сделать важное предупреждение. Мощность машины рассчитана на девятнадцать человек со средним весом в восемьдесят килограммов. Если на обратном пути вес будет превышен, кому-то придется навсегда остаться со своей поклажей в будущем.

– А сколько нас? – нервно спросила Аркадия Львовна и, сбиваясь, начала считать. – Четырнадцать, – объявила она наконец, – ах нет... Вас-то я и не посчитала, Лаэрт Анатольевич. Пятнадцать! Значит, есть запас, да и ребята весят, конечно, поменьше. Да, должна еще подойти Розалинда Аркадьевна, председатель родительского комитета, Степан Алексеевич, мы с вами договорились... Ой, Верочка, Вера Владимировна, а вы что же, ничего с собой не взяли, даже сумочку?

Костя увидел, как Галина Сергеевна толкнула в бок Виолетту Ивановну.

– Вет, а если там ничего, почему б и не остаться? – громким шепотом сказала она. – Ну что нас здесь держит, а там, может, и личную жизнь устроим?..

Тяжело ступая, по лестнице поднялась очень полная дама, элегантно одетая, обильно украшенная массивными кольцами и браслетами и с большой, но элегантной сумкой.

– Розалинда Аркадьевна, здравствуйте, дорогая! – с радостью сказала Аркадия Львовна, но на мощные формы председателя родительского комитета взглянула без особого удовольствия. – Вас, дорогая, только и ждем!

– Если все в сборе, прошу! – сказал Изобретатель и еще больше стал похож на авиационную стюардессу. – Всех прошу пройти в лаборантскую!

Было заметно, что, несмотря на уверенный тон, Лаэрт Анатольевич тоже порядком волнуется: все-таки путешествия во времени еще не стали для него нормой жизни. Очень чувствовалось, что волнуются и все остальные: одно дело было представить поездку в будущее абстрактно, за разговором в учительской, и совсем другое – на самом деле. Степан Алексеевич на ходу вдруг выронил свой чемодан, подобрал его, сконфузился и громко извинился.

Пропустив всех, Изобретатель запер изнутри дверь на электронный замок. Это похоже на то, как у ракеты перед стартом закрывают люк, подумал Костя, и этим обрываются все связи с внешним миром, остается только радио, а здесь и его нет. Подруга Галины Сергеевны порывисто вздохнула. Елизавета Петровна, математичка, посмотрела на дверь с глубокой тоской. Было видно, что многие уже начинают жалеть о скоропалительном решении посетить будущее, но идти на пятую на глазах у всего педагогического коллектива,

с которым еще работать и работать, и особенно трех учащихся, которых еще учить и учить, было теперь как-то неловко.

– Лаэрт Анатольевич, вы все в этот раз проверили? – хрипло осведомился директор. – Никаких накладок не будет?

– Не должны вроде бы, – ответил Изобретатель. Голос его заметно дрогнул, но усилием воли он взял себя в руки. – Прошу всех занять место в центре лаборантской. Мы отправляемся в шестидесятые годы XXIII века через десять секунд после того, как я замкну рубильник.

Учителя, директор, ученики, председатель родительского комитета и подруга Галины Сергеевны, волнуясь, сгрудились посреди лаборантской. Здесь сразу стало очень тесно. Лаэрт Анатольевич не очень уверенной рукой включил рубильник, встал рядом со всеми и вытер со лба пот.

– Да, я хочу всех предупредить еще раз: разумеется, о нашем путешествии никто не должен... – начал было он, в тот же момент все вокруг вдруг исчезло, наступила полная темнота, и послышался надсадный неприятный гул. Путешествие в XXIII век началось.

Несколько долгих секунд царил полный мрак. Затем он мгновенно рассеялся, и солнечные лучи осветили здания причудливой конфигурации, уходящие в высокое голубое небо, и многоэтажные висячие дороги, по

которым в разные стороны с огромной скоростью мчались какие-то разноцветные экипажи. На один короткий миг прямо перед путешественниками во времени, тесно прижавшимися друг к другу, вдруг возникла прекрасная девушка, идущая им навстречу, но тут же все опять заволоч густой мрак, и осталось только прежнее басовитое гудение.

Вскоре на какое-то мгновение опять проявился интерьер лаборантской. Слышно было, как Степан Алексеевич перевел дух, видимо, с облегчением. Однако сейчас же все окуталось прежним непроницаемым мраком, и в этот раз он не спешил рассеиваться. Медленно текли минуты. Гудение машины времени стало еще более мощным, и на мгновение опять мелькнул солнечный свет, тут же снова погасший. Потом из мрака опять проявилась лаборантская и опять исчезла. Правда, теперь темнота не была уже непроницаемой – вокруг плыл плотный туман, слегка подкрашен-

ный призрачным желтым светом. Опять мелькнули громадные дома, тянущиеся в небесную высь; снова на мгновение мелькнула лаборантская. Еще раз путешественники во времени погрузились в абсолютную темноту. Машина времени надсадно гудела. Опять посветлело. И наконец произошло то, что оказалось еще более фантастичным, чем само это необыкновенное путешествие во времени: чей-то незнакомый голос с уважением сказал:

– Однако! Просто поразительная мощность! Никак не меньше тысячи гектахронов! Тацит полтора десятка человек, и хоть бы что, а дистанция – почти триста лет!

– Остановливай! – отозвался другой. – Ясно, что они уже вот-вот прорвутся.

Гудение машины времени смолкло. Загорелся очень яркий свет. На время он всех ослепил. Третий голос сказал:

– Убавь освещение. Они же ничего не видят.

Стало потемнее. Понемногу проявлялось окружающее. Оно представляло собой длинную комнату без окон и без дверей, ничем не обставленную. У правой стены в ряд стояли три высоких широкоплечих человека в одинаковых черных комбинезонах и одинаково бородатых. Бороды почти полностью скрывали лица. Незнакомцы внимательно рассматривали толпу пассажиров машины времени, которые после всех этих превра-

щений, чередования света и тьмы, выныривания неизвестно где пребывали в каком-то безразличном ко всему оцепенении.

После некоторого молчания один из бородачей представился:

– Служба преждевременных открытий, патруль 782А. Автора схемы просим подойти к нам.

Лаэрт Анатольевич слабо пошевелился. Он был удивлен и растерян до последней степени, как и все остальные. Неуверенно он двинулся к незнакомцам. Вслед за ним машинально шагнул было и Степан Алексеевич, потому что и здесь он чувствовал, – что несет на себе директорскую ответственность за все, но остановился, ощутив перед собой невидимую, но вполне ощутимую преграду. Перед ним явно ничего не было, и все-таки пройти он не мог. Оцепенело, равнодушно, не произнеся ни слова, директор отступил.

– Всех остальных просим оставаться на местах, – сказал бородач.

Лаэрт Анатольевич дошел наконец до людей в черном.

– Ничему не удивляйтесь, – сказал тот же бородач, по-видимому, начальник патруля 782А. – Соберитесь с мыслями. Прежде всего мы должны вас поздравить, так как вы решили проблему переноса во времени очень оригинальным, самобытным путем. Обычно перемещаются вместе с хроноаппаратами, да к то-

му же очень небольшими группами. У вас сам аппарат остается на месте, а перебрасывает и возвращает назад только пассажиров. И к тому же какая мощь – чуть ли не два десятка человек! Ваш технический гений, безусловно, заслуживает награды, и мы ознакомим вас с собранной патрулями службы коллекцией преждевременных машин времени и всех других преждевременных открытий. Ваша машина тоже преждевременна, но в коллекции займет весьма почетное место. А естественный срок для открытия этого способа хронопереноса подойдет, если вам это любопытно, к 2189 году. Особого распространения, впрочем, он не получит. В дальнейшем все в основном будут пользоваться блоками индивидуального хронопереноса.

Бородач вел себя естественно и непринужденно. Казалось, все происходящее было для него самым привычным делом.

Изобретатель, напротив, подавленно молчал. Точно так же молчали и все остальные. Зато подала голос Галина Сергеевна.

– Способ уже открыт, раз мы здесь, – сказала она возмущенно, – и я не понимаю... Это будущее? Это какая-то камера, какое же это будущее?

Начальник патруля 7 82А сделал движение рукой, и преподавательница физкультуры замолчала и застыла в неподвижности, сразу став похожей на хорошо выполненный витринный манекен в элегантном вечернем

костюме. Впрочем, и все остальные пришельцы из XX века, онемевшие от изумления, мало чем от нее отличались.

– Извините, – сказал бородач Лаэрту Анатолеви-чу, – но мы вынуждены будем стереть воспоминания об этом маленьком путешествии из памяти всех ваших спутников. К тому же, как представляется, они имели далеко не бескорыстные, не познавательные цели и, значит, недостойны знакомства с будущим. Но вы – да, вы сохраните память о том, что увидите, о нас. Такие исключения мы делаем для всех талантливых людей, с какими приходится сталкиваться. Вам знакомы, конечно, имена Фарадея, Кулибина. Разве такие люди виноваты, что опережают свой век, а это может принести непоправимый вред закономерному развитию человечества? Вернувшись в свое время – за несколько дней до того, как начали практические эксперименты, – вы сохраните память обо всем, что мы вам покажем, дав обещание, что в дальнейшем будете все хранить в строжайшей тайне. Когда мы вернем вас назад, ваша конструкция уже будет в нашем музее. Открытие бесследно исчезнет для ваших современников.

Изобретатель проглотил слюну.

– Но ведь до этого я побывал и в прошлом, – сказал он честно и простодушно. – В школе видели диплодока!

Начальник патруля 782А улыбнулся.

– Вы вернетесь за день до диплодока. Про него тоже никто не будет знать. Что же касается нас, мы, разумеется, давно не выпускали вас из вида. Можно было пресечь вашу работу в самом начале, но вы пошли очень нестандартным путем, и, как профессионалам, нам было любопытно проследить его до конца. К тому же нежелательных последствий не было, иначе мы вмешались бы сразу.

– Может, путь оказался и нестандартным, но у меня была зацепка, – честно вымолвил Изобретатель.

– Да, обрывки схемы, оставленной школьниками из XXIII века. Это нам известно, но вы сумели найти совершенно неожиданное продолжение.

Изобретатель поднял голову. В глазах его засветился тот огонек, что так хорошо знаком был Косте и Петру. Лаэрт Анатольевич вновь становился человеком, для которого не существовало ничего, кроме мира научно-технических чудес.

– А сейчас? – спросил он с жадным любопытством. – До какого времени мы сумели добраться?

– Когда вас остановили, – сказал начальник, – вы уже чуть было не прорвались в XXIII век. Но то, что мы сейчас вам покажем, существует как бы вне времени, здесь оно не движется.

В стене отворилась широкая дверь, никаких признаков которой еще мгновение назад не было.

– Подождите, – сказал бородач, – прежде надо сте-

реть все воспоминания из памяти ваших спутников и на некоторое время законсервировать сознание. Зачем им видеть и знать то, что все равно будет стерто?

В растерянной, застывшей, хранившей и до сих пор подавленное молчание и жмущейся друг к другу толпе путешественников во времени Костя Костиков сделал движение, и Изобретатель его понял.

– Стойте! – быстро сказал он. – Я работал не один, у меня были помощники. Вот, – он показал на Костю и Петра. – И еще, – вдруг добавил он и, заметно покраснев, указал на Веру Владимировну.

Губы начальника патруля 782А опять тронула едва заметная улыбка.

– Ничего не имею против! – ответил он. – Мы ведь немало знаем о каждом из вас. Помощники так помощники, а остальные...

Он сделал движение рукой, и все – директор, педагоги, подруга Галины Сергеевны, Марина Букина и председатель родительского комитета – тоже застыли в окончательной неподвижности, как застыла прежде преподавательница физкультуры. Поймав обеспокоенный взгляд Веры Владимировны, бородач ее успокоил:

– Ничего с ними не случится! Пока они побудут здесь, а потом вместе с вами вернутся в определенный момент времени – вашего времени, и будут продолжать заниматься тем, чем занимались за секунду до

этого. Только ничего не будут помнить о том, что происходило, вернее, могло произойти в ближайшие дни. Эта память останется лишь у вас четверых, как осталась она, например, у Антуана Лавуазье, у многих других достойных людей. Но сразу хочу сказать: предусмотрена система защиты, и вы ни с кем не сможете поделиться, если захотите – тут же будет отключаться механизм речи. Зато между собой, вчетвером...

– Неужели первую машину времени изобрел Лавуазье? – изумился Костя Костиков.

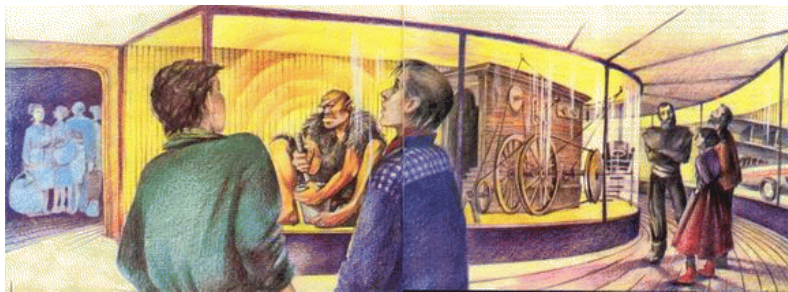
– Пойдем, – сказал бородач и положил руку ему на плечо.

6. Златко и Бренк

Живописная скульптурная группа из застывших в разных позах злополучных путешественников во времени осталась под присмотром двух других бородачей. В дверь, раскрывшуюся в стене, вместе с Изобретателем, Верочкой, Костей и Петром вошел только начальник патруля. Войдя, он отступил в сторону.

Ярко освещенный зал тянулся, казалось, на многие километры. В два ряда с проходом посередине вдаль уходили витрины, на которых были выставлены конструкции самого разного вида и совершенно непонятного назначения.

– Первое преждевременное открытие на Земле было сделано в незапамятные времена, – голосом экскурсовода начал бородач-начальник. – Один кроманьонский охотник, совершенно случайно составив вещество, аналогичное пороху, затем додумался до того, как сделать маленькую боевую ракету. Кроманьонцы – это, знаете ли, очень способные люди. Но поскольку такое открытие в корне изменило бы ход межплеменных столкновений, изобретение мы изъяли. Да вот этот кроманьонец, взгляните!

В витрине сидел живой человек в звериной шкуре и каменным пестиком растирал что-то в каменной ступе. Петр и Костя испуганно отшатнулись. Изобретатель прижал к себе вздрогнувшую Верочку. Заметив их реакцию, начальник усмехнулся:

– Не пугайтесь! Это лишь то, что вы называете голограммой. В дальнейшем, кстати, люди не раз изобретали оружие, которое оказывалось преждевременным, и нам приходилось его изымать.

Костя Костиков понемногу осваивался. Он вдруг вспомнил фантастический рассказ, о котором говорил с Александрой Михайловной накануне попытки изъятия машины времени из кабинета физики, и спросил:

– Скажите, а атомная бомба не была преждевременным открытием? Ведь столько из-за нее...

– Нет! – ответил начальник патруля. – Это была закономерность, она готовилась целым рядом последовательных научных исследований. И человечество должно было пройти через это испытание, как проходят его

многие другие цивилизации.

Вера Владимировна задумчиво смотрела, как голограмма кроманьонского человека толчет в голографической ступе голографический порошок. По-видимому, она тоже уже приспособилась к необычной обстановке.

– Я историк, – сказала она, – вернее, преподаю историю детям. Можно ли узнать, как, на основании чего вы определяете, преждевременно открытие или нет? Почему сейчас... то есть для нас... машина времени преждевременна, а два века спустя станет закономерной?

– У цивилизаций, даже самых разных с биологической точки зрения, существуют общие закономерности развития, – ответил начальник патруля. – Точное знание этих закономерностей и лежит в основе деятельности нашей службы. Наша цель – не допустить катастрофы или просто уродливого, тупикового пути развития. Любая цивилизация должна пройти свой путь, как проходит его любой здоровый отдельно взятый организм – гармонично развиваясь, взрослея, болея теми болезнями, что неизбежны, но не подвергаясь случайным и совершенно ненужным, которые легко предупредить. Вот и мы, работая сейчас на Земле...

– Постойте, постойте! – У Веры Владимировны бешено заколотилось сердце, и вдруг неожиданная и необыкновенная истина открылась ей со всей ясностью и непреложностью.

– Так вы... не земляне?! – с трудом выговорила она. – Вы – патруль какой-то особой службы, которая держит в поле зрения не только нашу цивилизацию, но и...

Начальник патруля твердо взглянул ей в глаза.

– Вот этого вам все-таки лучше не знать, – ответил он с интонациями изысканной, необыкновенной, такой, какую никогда не сыщешь на Земле, вежливости. – Но, как мне представляется, в первую очередь вас должны интересовать преждевременные машины времени?

Костя и Петр разглядывали его во все глаза. Человек как человек, бородач. И все-таки какое-то совершенно необыкновенное существо, которому открыты самые непостижимые тайны. Не человек... Но кто он, откуда, представитель какой сверхцивилизации, взявшей на себя заботу о других, причем она простирается даже и по временной шкале?.. А Изобретатель с горящими глазами никак не отрывался от кроманьонца, безымянного изобретателя первой ракеты. – Нет-нет, нас все интересует! – сказал он жадно.

– Однако коллекция машин времени, пожалуй, самая обширная среди всех остальных, – ответил начальник патруля. – Это может показаться парадоксальным, но принципиальная идея этого изобретения действительно довольно проста. Машину времени много раз заново изобретали разные люди, однако пользоваться ею цивилизация должна лишь по достижении

определенных моральных высот и только чисто в познавательных целях. В двадцать втором веке, например, – начальник патруля внимательно и многозначительно взглянул в лица Изобретателя, Верочки, Кости и Петра, – уже никому на Земле просто не могло бы прийти в голову отправиться, скажем, в двадцать пятый век с сумками, рюкзаками, чемоданами.

Петр отчаянно покраснел. Он снова вспомнил, что тайна Изобретателя стала известна всем именно из-за него. Хотя, подумал он, диплодок появился до меня! Да нет, подумал он, все равно это я во всем виноват!

– Если б они ничего не узнали, мы бы отправились без них, – сказал Петр угрюмо, – и уж, конечно, не взяли бы с собой рюкзаков. У нас была бы чисто познавательная цель.

– Мы это знаем! – ответил начальник патруля. – И, кстати, все, кто изобретал машины времени раньше срока, тоже руководствовались лишь познавательными целями. Опасность состояла в том, что открытием неминуемо воспользовались бы другие люди, корыстные, жадные, на все способные.

Они уже стояли у другого стенда. На нем красовалось непонятное громоздкое сооружение, ни на что не похожее.

– Это всего лишь часть самой первой машины времени, а всего она занимает пятьдесят один стенд, – пояснил начальник патруля. – Да, Костя, ты был со-

вершенно прав: первую машину времени, случайно натолкнувшись на ее идею, действительно построил француз Антуан Лавуазье. В истории науки вашей цивилизации он в основном известен как химик, положивший начало точным количественным измерениям во время реакций, однако главным его изобретением стала машина времени. Он сумел добраться на ней до 1856 года, но был возвращен патрулем в свой 1793 год. Это время Великой французской революции. Представьте, что стало бы, если б в ту пору можно было свободно пользоваться машиной времени? Франция могла обезлюдеть, многие кинулись бы в прошлое или будущее, спасаясь от смут, казней!

– Лавуазье! – заморожено пробормотал Изобретатель. – Еще Лавуазье! Как велик человек! А я, как же мало я знаю, как мало делаю!

В бороде начальника патруля вновь мелькнула добрая улыбка.

– Я могу сообщить, – сказал он, – что вам, именно вам, Лаэрт Анатольевич, предстоит сделать немало важных и своевременных открытий. И не всегда вы будете преподавателем физики в школе № 1441... Но пойдете, пойдете дальше! Следующие машины времени изобретали Кулибин, Фарадей, другие... Их изобретали и в двадцатом веке, и в двадцать первом, и они все еще были преждевременны. Но это, знаете ли, общее правило для всех цивилизаций: техни-

ческий уровень развития поначалу всегда опережает нравственный. Такая диспропорция наблюдается поначалу даже у тех открытий, время которых подошло и которые уже нельзя изымать, потому что сама идея носится в воздухе... Но пойдете дальше! О, в этом хранилище есть на что посмотреть! И вы не заботьтесь о времени. Оно здесь уплотнено, спрессовано, оно, считайте, совсем не идет, и вы все успеете. А кроме преждевременных машин времени, вы увидите преждевременные радиоприемники, преждевременные летательные аппараты и, конечно, оружие разного рода. Все это изымалось нашими патрулями, автор изобретения переносился назад, в тот день, когда еще не брался за осуществление своей идеи и никто о ней не знал. Изобретателей машин времени мы обычно перехватываем уже где-нибудь на пути в прошлое или в будущее и тоже возвращаем их в период, предшествующий постройке. Самым достойным сохраняем память о встрече с нами, и они так и живут, храня свою великую тайну. Вот так же, – начальник быстро взглянул всем четверым в лица, – будете жить и вы!

И они двинулись дальше, в глубь этого нескончаемого зала, мимо бесчисленных стендов с экспонатами самого разного вида и объединенных только одним – мощью человеческой мысли, иногда, да, впрочем, как теперь выяснилось, совсем не так уже и редко, далеко опережающей свое – время, – время, которое ока-

зывается недостойным этой великой мысли и наделенного ею человека. Однако именно время, обстановка, окружение побеждают истинное величие, заставляют его таиться, погибать... если не пришел его час. Вот о чем все время думал Костя, поражаясь все новым и новым открытиям, сделанным раньше срока. И в конце концов он решился спросить начальника патруля:

– Но почему же, почему общая нравственность, понятия о морали всегда так отстают от технических идей, прорыва человека в неизвестное? Почему они, бывает, могут без вреда использоваться только века спустя, а до этого лучше скрывать их в тайне?

Начальник патруля сжал его локоть.

– В ходе развития цивилизации идея и мораль приходят в равновесие, это неизбежно. Но пока этого не случится, может произойти много непоправимого, и именно поэтому работают наши патрули. А почему так происходит, сложный философский вопрос. Вообще, строго говоря, полной гармонии ни в чем практически нет.

Начальник вновь улыбнулся.

– А у тебя есть пытливость, любознательность и очень серьезный подход ко всему, с чем ты сталкиваешься! Ты, похоже, тоже из тех людей, что опережают время и совершают открытия, черед которых еще не настал. Смотри, как бы нам еще раз не пришлось с тобой встретиться! Жаль, что ты живешь не в XXII или в

XXIII веке и сейчас тебе придется вернуться. Конечно, в наших силах навсегда оставить тебя в любом времени, но человек не может жить оторванным от всего привычного, жить, несмотря ни на что, приходится в том времени, где родился.

Было непонятно, говорит этот загадочный человек всерьез или в шутку, но глаза у него были добрые, внимательные, очень умные. Казалось, они легко читают самые сокровенные мысли того, кто стоит перед ними. И, глядя в них, Костя вдруг решился; как мог он это сделать, потом он и сам никак не мог объяснить.

– А можно не навсегда? – спросил он тихо. – Можно нам просто заглянуть, ну хотя бы на несколько минут, в шестидесятые годы двадцать третьего века? У нас там друзья есть, они посещали наше время, мы подружались, и Лаэрт Анатольевич с Верой Владимировной тоже с ними знакомы. Они у нас фильм снимали, но исчез эффект кажущегося неприсутствия, и мы их скрывали, чтобы не было поворота в ходе истории, а ведь вы все можете...

И, сбиваясь, перескакивая с одного на другое, Костя начал рассказывать. А когда он закончил, Петр дополнил его самым простым, бесхитростным аргументом: он показал начальнику патруля плотно набитый пакет.

– Вот, бабушка им даже пирожков в подарок послала, если мы их встретим. Неужели ничего нельзя сделать? Вы ведь все можете!

Поначалу на лице начальника патруля ничего нельзя было прочесть. Но потом его глаза сверкнули лукавыми огоньками.

– Ну что ж, вы заслужили это, хотя бы своей дерзостью! Моя работа – это борьба с преждевременными, дерзкими открытиями, и, может быть, именно поэтому больше всего я ценю именно дерзость, дерзкий полет мысли, дерзкие намерения. Мы переправим вас в XXIII век, выберем для встречи с вашими друзьями самое подходящее место. Но есть условие: они не должны знать правды, как вы к ним попали, не должны знать о существовании патруля. Можете, не кривя душой, сказать, что Лаэрт Анатольевич построил машину времени, и она доставила вас к ним.

– Согласны! – одновременно вскричали Костя и Петр.

– Есть еще условие. – Начальник патруля вытянул ладонь, и на ней непонятно откуда вдруг оказалась маленькая плоская коробочка с рядами клавиш-кнопок. – На встречу вам будет отведено только пять минут, а потом и вы, и они, – он кивнул в ту сторону, где в пустом зале по-прежнему, должно быть, пребывали в застывшей неподвижности директор, педагоги, Марина Букина, подруга Галины Сергеевны и председатель родительского комитета, – будете перенесены назад, в одиннадцатое сентября своего года, в день, когда дипломат еще не появлялся. Лаэрт Анатольевич, если

вам интересно, могу показать витрины, где разместится ваш вариант машины времени. Вот одна, вторая, третья. Как раз для десяти больших железных шкафов. Будет и ваш голографический портрет, он уже сделан.

Изобретатель проглотил слюну.

– Что ж, я вас понимаю, – сказал он глухо, – да я и сам, наверное, разобрал бы ее... скорее всего.

Тут у него мелькнула другая мысль. И с прежним жадным любопытством он спросил:

– А для чего вы храните все, что было создано раньше времени? Есть ли в этом какая-то польза?

– Есть, – очень серьезно ответил начальник патруля, – потому что ни одна мысль, ни одна идея, где бы и когда бы она ни родилась, не должна исчезнуть бесследно.

Было видно, что он хочет сказать что-то еще очень важное, но сдержался.

– Пришла порарасстаться, – сказал этот загадочный человек, представитель неизвестно какой цивилизации, какого мира, какого времени. – Прощайте!

Он нажал одну из кнопок маленького аппарата на своей ладони, и все вокруг вновь, как и во время путешествия во времени, поглотил густой мрак, а потом сразу вспыхнуло яркое и теплое солнце.

Петр, Костя, Изобретатель и Верочка стояли в мягкой густой траве, покрытой пятнами ярких цветов. Этот красочный луг тянулся во все стороны до самого го-

ризонта. Воздух был наполнен птичьим щебетом, жужжанием насекомых, где-то сзади, неподалеку, мягко журчал ручей. Все четверо одновременно оглянулись на его мерный рокот и увидели на песчаной отмели двух мальчишек, сидящих за походным столом, уставленным какими-то приборами. На берегу стояло маленькое сооружение непонятного назначения, но что-то подсказывало, что оно может ездить по земле, летать по воздуху, плавать по воде и, может быть, даже под водой.

– Бренк! – крикнул, узнав, Костя.

– Златко! – закричал Петр.

Ребята за столом оторвались от приборов.

– Пстой, – сказал шоколадный Златко, – да ведь этого не может быть... Костя!

– Петр! – крикнул Бренк. – И Лаэрт Анатольевич, и Вера Владимировна с вами!

Люди XXIII века и люди XX века кинулись друг к другу, остановились, а потом обнялись все шестером, как делают и делали во все времена друзья после долгой разлуки.

– Нет, это правда вы? – восхищенно приговаривал Бренк. – Неужели вы, Лаэрт Анатольевич, построили машину времени?

– Да, – улыбаясь, ответила Верочка, – построил... Не очень надежную, и мы к вам только на пять минут, а потом перенесемся обратно.

Несколько секунд все молчали, и так тоже всегда бывает после долгой разлуки, когда столько чувств переполняет душу и боишься неверных слов.

– Мы очень хотели увидеть будущее, – сказала потом Вера Владимировна. – Какое оно, что ждет наших далеких детей?

– Будущее? – Златко обвел рукой все вокруг. – Да вот же оно: луг с цветами, солнце, воздух, птицы, ручей с чистой водой. Это ваше будущее и наше настоящее.

Он помолчал.

– Школьники нашего возраста это время проводят

здесь самостоятельные исследования по плеритальному квазифону, – он показал на стол с приборами, – потом мы будем сдавать зачет. Нам достался довольно трудный участок.

– Как, как? – с прежним любопытством спросил Изобретатель. – Какой это фон?

– Да не успеют они вам объяснить, – с грустью сказала Вера Владимировна. – У нас только пять минут!

Она скользила взглядом по пестрому бескрайнему лугу, всей грудью вдыхала воздух, слушала журчание кристально прозрачного ручья...

Петр спохватился.

– Вот, бабушка просила вам передать, вы же помните, какие вкусные эти пирожки?

Косте вдруг стало нестерпимо грустно, будто чья-то злая рука сжала сердце. Увидеть своих друзей и через пять минут исчезнуть, вернуться в свое время, не успев толком ничего сказать, а сказать хочется так много! Уж лучше бы, подумал он, совсем не просить начальника патруля об этой встрече! На глаза у него навернулись слезы, яркие пятна цветов на траве расплылись, солнечный свет размылся.

– Нам, наверное, пора прощаться, – дрогнувшим голосом сказал он, – и навсегда. Наша машина времени больше никогда не будет работать. Бренк покрутил головой. Вид у него был такой, словно он только что вспомнил что-то очень важное.

– Прощаться навсегда? – переспросил он с непередаваемым удивлением. – Да ведь мы только сейчас говорили снова с Златко о вас, потому что есть один план. По учебной программе нам скоро предстоит важная практическая работа, правда, не в вашем времени, но мы уже давно по крупицам собираем лишний запас энергии для блока хронопереноса, чтобы можно было взять вас с собой. – Он оглянулся по сторонам. – Тайно, конечно! Это уже совсем скоро, и сейчас я все объясню.

Бренк приник к Костиному уху, хотя говорил так громко, что должны были слышать и все остальные:

– Тут нужны ум, отвага, смекалка! Не то что мы боимся, что сами не справимся, но мы знаем, как вам это было бы интересно! Не обижайтесь, ведь в ваше время школьная жизнь так скучна, однообразна...

Костя припомнил диплодока, набор «Юный гангстер», бородатого начальника патруля 782А – нет, не такой уж пресной была их жизнь! – однако промолчал.

– И вот вместе с вами мы отправимся...

Но услышать слова Бренка до конца им было не суждено, потому что пять минут истекли. Снова все заволело мраком, и сразу Петр и Костя ощутили себя за столом в кабинете математики.

Шел урок. Елизавета Петровна, тоже совершившая путешествие в будущее, но уже не знавшая об этом, как ни в чем не бывало доказывала у доски теорему.

Искося Костя посмотрел на соседа. Он отлично помнил все, что было и минуту назад, и полчаса назад, и весь сегодняшний день: уроки, перемены, уроки. Да и было ли впрямь другое: патруль времени, огромное собрание преждевременных открытий, яркий луг в XXIII веке, пятиминутная встреча с Бренком и Златко? Может, он задремал от скучного голоса математички, и вот во сне... Но Петр в этот момент взглянул на свои электронные часы, которыми щеголял в данный момент (он часто менял их, потому что родители постоянно привозили новые), и показал Косте дату.

– Одиннадцатое сентября, – зашептал он ему на ухо, – как он и обещал! Значит, диплодок появился бы в школе через день, но теперь уже не появится, потому что машины времени у Лаэрта уже, конечно, нет. Но он про нее помнит. Родители с видеомагнитофоном приедут через два дня... наверное, приедут, они-то тут ни при чем. А Бренк и Златко появятся, чтобы взять нас с собой куда-то... когда?

Значит, все это было на самом деле!

– Скоро, как они говорили! – с легким сердцем отозвался Костя. – Да ты и сам это слышал!